

Дракон Конга

Александр Мазин

Мертвое Небо

«Автор»

Мазин А. В.

Мертвое Небо / А. В. Мазин — «Автор», — (Дракон Конга)

Их двое: воин и мастер клинка светлорожденный Данил и молодой кормчий Рудж. Корабль, на котором они плыли, сожжен. От родины их отделяет Межземное море, а от ближайшей дружественной державы – тысяча миль пути по стране, где всякого опознанного чужеземца ждет мучительная казнь. Но выбора нет – и два друга вступают на этот путь, еще не зная, что стали частью заговора, цель которого – убийство императора их родной страны и захват власти на трех континентах.

© Мазин А. В.

© Автор

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	9
I	9
II	14
III	23
IV	33
V	39
VI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Мазин

Мертвое небо

*Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!*

*Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчут пыльный путь,
А завтра топчут нас!*

*Глотни, солдат, вкус у вина
Всегда, солдат, хорош.
А кровь тем крепче солона,
Чем больше ее льешь.*

*Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пой!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, толпой!*

*У нас, солдат, Судьба одна.
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга ввек была полна,
И руки – при тебе!*

*Придут другие времена,
А ты солдат – живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!*

*Вино, солдат, – жена и брат:
Глотни – и ты согрет.
А дом, солдат...
Придешь, солдат,
А дома-то и нет.*

*Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!*

Конгская песня

ПРОЛОГ

«Баловень ветров» вспыхнул, когда Данил и Рудж спускались к пирсу. Вспыхнул внезапно, так, как не бывает: сразу от носа до кормы облился пламенем. Словно огненные паруса

поднял. Рудж закричал. Крик его утонул в десятках воплей. Те, кто были на пирсе и рядом, носильщики, мелкие торговцы в панике устремились на берег. А Рудж, в каком-то затмении разума, кинулся к пылающему кораблю. Только рука Данила, бесцеремонно схватившая за ворот и удержавшая на месте, спасла младшего кормчего. Бухнули в трюме бочки с горячим зельем, корпус «Баловня» разорвался, извергнув клубы пламени, и великолепный трехмачтовый хог¹ стал огнем и черным дымом, затмившим небо. Горящие обломки дождем осыпали пирс, воду и палубу хуридской шекки у соседнего причала. Огонь радостно вцепился в новую добычу, а охваченная паникой толпа накатила на северян и сшибла бы, если бы Данил вовремя не крикнул: «Бежим!» И они побежали вверх, к лестнице, к каменной ограде, к сторожевой башне, где заходился звоном тревожный колокол. Но и звон этот потонул в воплях обожженных, когда липкие брызги горящего огненного зелья накрыли замешкавшихся. Занялся деревянный настил пирса, но Рудж и Данил уже были в безопасности.

Воркарец², бежавший впереди, резко затормозил, и Рудж едва не сшиб его с ног.

– Бросай якорь, моряк! – отдуваясь, проговорил хуридит. – Все, оторвались!

Рудж остановился. Верно, между ним и горящим пирсом – две сотни шагов голой земли.

– Во полыхает! – восхищенно произнес хуридит. – Вулкан!

Данил взбежал вверх по лестнице и вдруг обнаружил, что кормчего рядом нет. Светлорожденный оглянулся и увидел Руджу внизу, среди глазающих на пожар. А колокол на башне стонал как безумный.

– Проклятье! – прошептал Данил по-хольдски.

Светлорожденный пардом слетел вниз, схватил стоящего столбом кормчего и, ничего не объясняя, потащил к воротам. Рудж не сопротивлялся. Его слишком ошеломило происшедшее.

Они успели. Когда шлемы солдат Святого Братства замелькали над толпой, северяне уже шмыгнули в узенький проулок.

Воняло здесь, как в отхожем месте, зато и стража сюда не полезет. Солдаты между тем обработали толпу, сбили в плотное стадо, оградили оцеплением, чтобы после просеять через мелкое сито. Двое северян наверняка оказались бы слишком крупными для его ячеей. Рудж тоже это понял, когда к нему вернулась способность соображать. Он молча поспевал за Данилом и смотрел под ноги, чтобы не наступить на то, на что наступать не стоит. А когда выбрались из каменной щели на торговую улочку, спросил:

– Куда теперь?

– Пока – подальше от порта, – бросил светлорожденный и еще ускорил шаг.

Данил ловил на себе взгляды хуридитов, и это ему не нравилось. Здесь, в Воркаре, северяне выделялись, как боевые парды среди рабочей скотины. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб сообразить, кого обвинят в пожаре. Единственный иностранный корабль в Воркарской гавани. И единственные иностранцы, находившиеся в порту. А то, что сгоревший корабль – их собственный, еще и лучше. Империи вряд ли понравится, что судно под ее флагом, судно, которому личным повелением Наисвятейшего был разрешен вход в Воркарскую гавань, вдруг взяло да и сгорело в этой самой гавани. А тут так удобно. Северяне сожгли северян – и весь сказ. А самих поджигателей, конечно во всем признавшихся, подвесили бы за ноги у городских ворот. На тридцать дней. Согласно закону. Если Империя желает, кости преступников будут переданы на родину.

А начался день не так уж плохо. Часа через два после рассвета «Баловень», сопровождаемый эскортом из шести боевых кораблей Хуриды («Прямо как адмиральский!» – ухмылялся тогда Рудж.), миновал башни Воркарской крепости и, по указанию лоцмана, встал у желтого

¹ Хог – трехмачтовое двухпалубное судно, полувоенное-полуторговое.

² Воркар – столица Хуриды, государства на севере Черной Тверди, в котором происходит действие романа.

пирса. Воины-моряки и свободные от вахты матросы во все глаза глядели на запретный Воркар, а воркарцы с берега – на белые паруса гостя из Империи. Стоянка «Баловню» была разрешена до следующего утра. За это время следовало переправить груз в кладовую Воркарского Братства. Об этом позаботились сами святые братья, явившиеся на борт в сопровождении сотни носильщиков.

На воинов-моряков хуридские монахи не произвели впечатления. В Империи городскую стражу снаряжают лучше. Только главный, Отец-Наставник Воркарского Братства, имел личную экипировку: вороненые доспехи конгской работы.

Работали хуридиты молча. Видно, всех строго предупредили: никаких контактов с чужеземцами. Только Отец-Наставник соизволил переброситься парой фраз с капитаном, да еще Данила поприветствовал. В общем, забрали груз, расплатились и отбыли.

А Данил сообщил капитану, что сойдет на берег. Дела. Капитан только кивнул. Командир моряков-воинов подчиняется ему на море, в мирном плавании. В бою – наоборот. На берегу же – каждый сам себе хозяин. А вот кормчего Руджа капитан мог и не отпускать. Но отпустил, будучи в хорошем настроении от выгодной сделки.

– Какое у тебя дело? – спросил кормчий уже на берегу.

– Отец просил заглянуть к его здешнему другу, взять кое-что, – ответил Данил.

Брови Руджа поползли вверх. У отца Данила, светлейшего Волода Руса, императорского советника, Хранителя Рунской Мудрости – друг-хуридит? Удивился кормчий, но язык придержал: а то еще оскорбится светлорожденный Данил – и их собственной дружбе конец. Да, вот так вот. «Взять кое-что».

Взяли.

Только-только стих колокол в порту, как рассыпался мелким звоном другой – на желтой смотровой башне. Толстая тетка в черном, только что беззастенчиво разглядывавшая северян, тут же забыла о них и припустила по улице.

– Проклятье!

Вынесшаяся из-за угла шестерка упряжных псов³ едва не размазала Руджа по стене. Здоренная бочка на колесах. Пожарные.

– Куда это они? – спросил Рудж. – Порт, вроде, в другой стороне?

Данил не ответил. Он очень серьезно опасался, что знает, куда умчалась пожарная бочка.

Предчувствия не обманули светлорожденного. Он обнаружил именно то, чего опасался: толпа зевак, черный столб дыма, треск горящего дерева, торопливый стук топоров...

Воркарские пожарные поспели вовремя, чтобы остановить огонь и уберечь квартал. Но один дом сгорел дотла. Тот самый.

Данил посмотрел на правое запястье, словно боялся, что серебряный браслет на нем тоже вспыхнет. Но браслет оставался холодным. Простенький браслет из плоских звеньев с черной капсулой размером с фалангу указательного пальца. Браслет, полученный в сгоревшем доме. Послание, которое он должен передать отцу. Если выживет.

Данил покосился на своего спутника. Хороший парень кормчий Рудж. Но сейчас – только обуза. Данил вздохнул и похлопал моряка по плечу:

– Надо выбираться из города.

– Угу. Это тот самый дом, в который ты заходил?

– Тот самый.

– А я-то надеялся, что ошибаюсь, – Рудж покачал головой. – А ты думаешь, нас выпустят из города?

³ Напоминаю, что упряжные псы Мира – животные размером с крупного пони.

– Нет, если мы станем спрашивать разрешения,– Данил усмехнулся, чтобы подбодрить друга.– Но мы не станем.

Часть первая ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

I

В ту пору Отец-Наставник града Уришля пожелал совершить путешествие морем в Воркар, дабы присутствовать на празднике Девяти Святых. И повелел людям своим сыскать подходящий корабль, и нашелся такой. Хорошее судно, принадлежавшее купцу из того же города. Люди купца протестовали, но слуги Отца-Наставника пригрозили им смертью, если не подчинятся. Тогда люди купца поспешили разыскать хозяина, рассказали о случившемся и спросили: как быть дальше? А у купца был сын, сильный и дерзкий, красивый обличьем и весьма угодный черни в силу своего характера. Собрал он вокруг себя столько народу, сколько смог, и пришел к кораблю. И приказал слугам Отца-Наставника покинуть корабль, и выдворил их силой. Отец-Наставник же обладал всеми добродетелями и доказал свое превосходство во всех областях, но не имел довольно людей, чтобы усмирить бунтовщиков. Потому они убили его и принялись вершить бесчисленные преступления, приговаривая многих – без разбора и без должной причины. И, страшно вспомнить, вешали братьев святых во время Великого праздника! Но не осталось злое без наказания. Пришли в Уришль праведные воины-монахи и уничтожили бунтовщиков, искоренив всех, всякого пола и возраста, дабы не возшло более злое семя. А землю ту заселили рабами божьими из иных областей, и воцарились справедливость и боголюбие.

Неизвестный хуридский летописец. Двести десятый год от Пришествия Истины

Волосы Данила белели в темноте. Он специально снял головную повязку, чтобы Рудж не потерял его из виду. Светлорожденный шел первым, легко, бесшумно, непонятно как в полной темноте выбирая самый удобный маршрут. А кормчий ковылял следом, прощупывая дорогу посохом, посох то и дело цеплялся за корни, и Рудж ругался шепотом, многословно и витиевато. Загонял его светлорожденный. Два дня и две ночи без сна. Только прошлым утром сжалился, позволил поспать до темноты. А то Рудж уж и жалеть начал, что не сгорел вместе с «Баловнем». Миль сорок отмахали, не меньше. А сколько еще до благословенного Конга?

Это Данил решил идти в Конг. Рудж предпочел бы захватить лодку и попытать счастья на море. Но светлорожденный отверг эту идею. Слишком большой риск, сказал. Сезон плохой, и сторожевые шекки шарят вдоль побережья. Мол, хуридский лес лучше хуридского моря.

За два дня Рудж накушался хуридского леса досыта. Мокрые чавкающие под ногами мхи, грибы, будто опухоли. Кричаще-яркие и ядовитые, разумеется. Черная листва, черные стволы. На некоторых – следы когтей. На высоте, до которой Руджу и с плеч Данила не дотянуться. Одичавшие собаки, с заката сопровождавшие северян и только полчаса назад отставшие неизвестно почему.

- Стой, – негромко сказал Данил, и кормчий послушно замер.
- Что? – шепотом спросил он, тщетно пытаясь разглядеть что-то в темноте.
- Пахнет большой кошкой.
- Леопард?

– Или кугурр.

Отлично. Вот только кугурра им не хватало. Меч Данила выскользнул из ножен. Беззвучно. Узкий длинный клинок работы вагаров еле заметно светился. Как след лунного луча.

Рудж вынул собственный меч, короткий, расширяющийся к жалю, удобный в рукопашной на палубе, но совершенно непригодный для схватки с хищником.

– Иди за мной,– прошептал светлорожденный. А через дюжину шагов: – Кугурр. Я его вижу.

Рудж не видел ничего. Но очень хорошо представлял себе кугурра: гигантскую кошку в семь локтей длиной, в пасти которой без труда уместилась бы голова кормчего.

– Если прыгнет – уходи вправо,– сказал Данил.

«Интересно, как я узнаю, что он прыгнул?» – подумал Рудж.

Как ни странно, он не испытывал страха.

– Великий Повелитель Судеб! – произнес Данил чистым звонким голосом. – Отведи от нас беду или дай встретить ее достойно!

Басовитый рык наполнил ночь. От этого звука у Руджа мгновенно взмокла спина.

– Зверь Ночи, уйди с нашего пути! Или мы попробуем твоей крови! – Данил сделал еще пару шагов навстречу хищнику. Кормчий напрягся и приготовился отпрыгнуть вправо при малейшем звуке.

Но все было тихо.

– Он ушел,– сказал светлорожденный и вложил меч в ножны.

– Хвала богам! Я уж решил, что стану ужином!

– Я охотно поиграл бы с ним,– произнес Данил. – Но днем. – И после паузы добавил: – Скверно живут хуридиты. Кугурр-охотник – в миле от человеческого жилья.

– Жилья? – удивился Рудж.

– Запах дыма.

– А-а-а...

– И мы пойдем туда,– сказал Данил. – Может, удастся купить пардов.

«Или нарваться на меч,– подумал Рудж и по привычке потрогал золотую сережку-значок Братства. – Охрани меня, Морская богиня!»

Только вот сумеет ли защитить Покровительница здесь, на суше?

Спустя четверть часа они вышли из леса на озаренное лунным светом вспаханное поле. Сапоги Руджа по щиколотку утонули в грязи. Северяне пересекли поле и оказались перед частоколом, не способным остановить даже ребенка. Перелезли через хилый тын и замерли, прислушиваясь. Справа забрежал пес, но, вроде, сам по себе, а не потому что учуял чужих. Крохотная деревушка, грязная улочка. Шагах в сорока, над входом одного из домов – горящий фонарь. И в окошке тоже свет. Единственные огни во всем поселке.

Начал накрапывать дождь.

Справа от входа, под навесом спал пард. Данил показал на него и поднял палец. Затем толкнул дверь.

За столом сидели три монаха и играли в кости. Пахло кислым вином и еще какой-то дрянью. Скорее всего, самими монахами.

Дверь заскрипела, и играющие разом повернулись на звук.

– Мир вам! – на аркинно⁴ произнес светлорожденный.

Монахи тупо глядели на него.

– Мир вам,– повторил Данил. – Нам нужен кров, почтенные хозяева!

Тупые ленивые хуридиты. Как раз такими их представляют в Империи. Рудж расслабился. Как оказалось – рановато.

⁴ Аркинно – язык одного из народов Империи. На его диалекте говорят хуридиты.

С неожиданным проворством один из монахов выскочил из-за стола. И в руках у него обнаружился здоровенный меч.

– Мир вам! – в третий раз повторил Данил и поднял пустые руки.

Монаха это не смутило. Меч мелькнул в воздухе и с хрустом врубился в стену, потому что светлорожденный вовремя убрался с пути клинка.

Двое других монахов тоже вскочили, а светлорожденный, отпрыгнув назад, выхватил меч.

– Твой – правый! – крикнул он кормчему.

Противник Руджа, широкоплечий, жилистый, держал меч двумя руками. Солидный меч, раза в полтора длиннее, чем у Руджа. И орудовал им хуридит довольно ловко. Рудж подпрыгнул, увернувшись от удара по ногам, скользнул под руку монаха и кинжалом полоснул его по левой руке. Пустяк, царапина. Монах не мог использовать свой длинный меч на такой дистанции, поэтому он локтем отбросил кормчего и обрушил на него тяжелый клинок. Парировать Рудж не рискнул – и отскочил в сторону. И еще раз. Здоров хуридит! Машет такой машиной, словно она из дерева.

Монах ощерился: почувствовал, что сильнее. Рано, друг!

Рудж поддел ногой табурет и отправил его в физиономию хуридита. Могучий клинок разнес табурет в щепы... и брошенный кормчим кинжал вонзился в живот противника. Как и предполагал Рудж, кольчуги на хуридите не было.

Монах удивленно посмотрел вниз, на рукоять кинжала, открыл рот, но так ничего и не сказал, просто повалился на земляной пол.

Рудж обернулся.

Данил стоял у стены, наблюдая. Оба его противника валялись без признаков жизни.

Рудж улыбнулся и салютовал мечом. Затем вытащил кинжал из монахова брюха, добил раненого ударом в сердце, вытер кинжал и спрятал в ножны.

В горле у кормчего пересохло, но когда он взял со стола кувшин с вином, Данил сказал:

– Не стоит. Желудок испортишь. Там в углу, в бочонке, кажется, вода.

В бочонке оказалось пиво. И не такое уж плохое.

Они сволокли убитых монахов в угол и поужинали тем, что осталось от их трапезы.

– Скоро рассвет, – заметил Данил. – Ты сыт?

– Вполне. Теперь бы еще чистую постель без пауков и прочей дряни, приятную молодую хуридскую девушку...

– Кривоногую. Пузатую. С отвратительной кожей и таким же запахом, – усмехнулся светлорожденный. – Обойдешься без девушки. А вот поспать можешь. Думаю, спешить некуда. Готов поспорить – эти парни привыкли дрыхнуть до полудня. А значит, нас никто не побеспокоит. Укладывайся, друг Мореход, а я покараюлю.

Рудж не заставил себя уговаривать. Сдвинул скамьи, стащил сапоги и улегся.

– Жестковато, зато сухо, – пробормотал он. – Эх, где моя подвесная коечка?

– Там же, где и все остальное, – буркнул Данил. Сгоревший корабль не давал ему покоя.

Рудж проснулся первым. Данил спал сидя, даже не спал, дремал. Караулил. Обнаженный меч – рядом, на столе. Железный человек. Рудж выглянул в окно: пустая улочка, покосившиеся заборы, дождь. Посреди улицы, в раскисшей земле – дохлая крыса.

Кормчий вышел наружу, помочился у крыльца. Бедняга-пард завозился под своим навесом – голодный. Рудж подставил ладони под струйку стекавшей с крыши воды, умылся. Когда он вошел в дом, Данил уже вложил меч в ножны.

– Все тихо? – спросил он.

– Как на кладбище. Надо парда покормить.

Данил кивнул, принялся откидывать крышки ларей, нашел мешок с сушеными грибами. Рудж тем временем обшарил пояса и кошель убитых и отправил их содержимое в свой собственный привязанный к поясу кошель. Затем столкнул трупы в подпол и захлопнул люк.

– Пошарь здесь как следует, Мореход, – посоветовал светлорожденный. – У нас дальний путь. – И, накинув монашеский плащ с капюшоном, взял мешок с грибами и вышел за дверь.

Два хуридита появились на другом конце улицы. Данил наклонил голову, скрывая лицо. Но предосторожность оказалась излишней. Едва завидев его, местные тут же развернулись и засеменили в противоположном направлении. Глядя на их согнутые мокрые спины, светлорожденный испытал нечто вроде сострадания. Невозможно было поверить, что предки их пришли на Черный материк из Аркиса или вольного Хольда.

Некрупный, холка всего на ладонь выше плеча Данила, пард громко заурчал. Грибы учуял. Светлорожденный развязал мешок и высыпал часть грибов в кормушку. Пард набросился на еду, словно голодал неделю. Ребра так и ходили под грязной желтой шкурой. И едва грибы захрустели в его челюстях, из соседнего сарайчика послышался жалобный вой.

Данил заглянул внутрь – и обнаружил еще двух пардов: тощую, недавно окотившуюся, судя по набухшим соскам, парду и облезшего старого самца. Последний с трудом поднялся. Лапы у него дрожали, а вонял он хуже мороса⁵. Данил накормил обоих, затем осмотрел сарай и обнаружил три комплекта упряжи. В полном порядке, даже с седельными сумами, помеченными пятиконечным крестом Святого Братства монахов-воинов. Сумы Данил прихватил в дом.

Изыскания Руджа тоже оказались плодотворными. Вяленое мясо, лепешки, варенные в сахаре комки черного хуридского винограда, сушеные фрукты и прочая снедь, не слишком изысканная, но вполне съедобная. Главное – много. Одежда, всякая мелочь, вроде игл и веревок. И, главное, – карта!

Кормчий как раз изучал ее, когда Данил вошел в дом.

– Смотри, – сказал моряк, ткнув пальцем в засаленный пергамент. – Мы – здесь. А здесь – тракт, который ведет точно на юг. До границы миль шестьсот, если я верно понял масштаб. Это – напрямую, а так – раза в два больше. Но все равно верхами за месяц доберемся. Как там пард?

– Под седло годен, – без особого воодушевления ответил светлорожденный. – Там еще двое, но один – совсем развалина.

– Можно навьючить на него провизию, – предложил кормчий.

– Не искушай Судьбу, Мореход! – засмеялся Данил. – Мы пришли сюда пешком, а уедем в седлах и даже с картой. Пардов я накормил, давай-ка и мы позавтракаем.

Когда поели, Рудж выбрал из вороха одежды две рясы покрепче и почище остальных и пару коричневых плащей из паутинной ткани.

Они натянули все это поверх собственных курток и кольчуг.

– Ну, благородный Данил, мы с тобой точь-в-точь два здешних держиморды! – одобрительно заметил кормчий. – Теперь если кто и рискнет преградить нам дорогу, так только такие же монахи. И тогда у тебя будет шанс получить удовольствие!

– Будь спокоен, я его не упущу! – заверил Данил. – Седлаемся и в путь.

Пока ехали по деревеньке, дважды попадались навстречу местные. Но убегались с дороги быстрее, чем крысы, завидевшие охотничьего пса. Данила это не столько радовало, сколько раздражало.

– В Хольде нас давно бы взяли на клинки, – проворчал он брезгливо.

– В Хольде, благородный Данил, гостю не приходится добывать пищу силой. И, заметь, в наших гаванях не сжигают мирные суда.

– Не уверен, что это хуридиты, – мрачно произнес светлорожденный.

⁵ Морос – зомби.

– А кто?

Данил не ответил.

Они выехали на тракт, скользкую от грязи грунтовую дорогу между черноствольных хуридских деревьев с кирпичного цвета листвой, как в осеннем хольдском лесу. Но эти листья круглый год не меняли цвета. Между черными стволами тянулись к свету тощие сосенки с красными хвойными метелками на макушках.

Сытые звери бежали совсем даже неплохо.

«Маленькая выносливая животинка», – подумал о своей парде Рудж.

Высокое седло мерно поскрипывало. Кормчий не считал себя хорошим наездником, но ему нравилась верховая езда. Во всяком случае, куда приятней, чем брести по раскисшей дороге. Струйки дождя сбегали с капюшона. Изредка из серой мути впереди возникала запряженная волами телега. Но никто из встречных не осмеливался поднять глаза на «монахов». Не ровен час – разгневаются и порубят. Руджа и Данила это вполне устраивало.

Данил, сын Волода, взял в руки меч, когда ему исполнилось четыре года, а убил первого врага – в пятнадцать. Это был магхар, пробравшийся из Проклятых земель на западе Белой Тверди. В двадцать два года светлорожденный стал сотником и получил свой нагрудный знак лично из рук Стража Севера Нила Биоркита. Высокая честь. Правда, Нил, давний друг отца, сам учил Данила владеть оружием. Но ученик не посрамил учителя.

Когда на морях, которые оставались безопасными почти полвека после побоища у берегов Конга, снова появились шекки под красными парусами, Данил пошел в воины-моряки. И не в Южную эскадру, а на вольный хог. Меньше силы – больше славы. Спокойные времена, похоже, заканчивались. В Гураме Алчушие Силы прибрали к рукам Владыку владык и, похоже, подбивали его вторгнуться в Эдзам. В благословенном Конге тоже множились люди, желавшие войны «во имя объединения Черной Тверди». Правда, Тилод Зодчий все еще крепко сжимал кормило власти, но он был стар, а единственный сын Тилода, Сантан-Освободитель, – сгинул где-то в горах Хох. Конг, Урнгур, Хурида. Урнгрия Данил видел в деле. Натасканных Биорком наемников эдзамского правителя. Говорят, стоило сотне их появиться на эдзамском берегу Зуры, и бур-чаданну на соседнем берегу немедленно сворачивали шатры. И тут же, без злорадства, Данил вспомнил, как десять лет назад хуридские «ночные братья» набезобразничали в урнгурском открытом городе Чагуне. Тогдашний Наисвятейший отказался выдать преступников, и три тысячи всадников урнгрия смерчем пронесли по юго-западу Хуриды, вырезая всех «ночных братьев» и вообще любого, кто осмеливался поднять меч. Говорили, когда урнгрия повернули обратно, тогдашний Наисвятейший умер от счастья. И освободил место для нынешнего, тут же заверившего Урнгур в своей полной лояльности. Лояльность Хуриды! Данил усмехнулся. Отец его весь последний год занимался именно Хуридой. Главным образом пытаясь помешать возникновению союза Наисвятейшего и Алчуших. Трудно сказать, насколько удачно. Конечно, волшба в Хуриде по-прежнему была запрещена. И в день их прибытия повешенный за ноги труп колдуна украшал портовую площадь в Воркаре. Но есть же разница между деревенским колдуном и настоящим чародеем...

Справа лес сменился болотом. В черном тростнике трубно орали лягушки.

– Эй! – окликнул светлорожденного Рудж. – Побереги пардов!

Задумавшийся Данил пустил своего зверя крупной рысью.

– Когда кончится болото, устроим привал, – сказал светлорожденный.

Впереди появился всадник в коричневом плаще воина-монаха. Поднял руки в ритуальном приветствии. Северяне ответили тем же. Разминулись. Хуридит ничего не заподозрил.

Болото кончилось.

II

Прошло пять дней. За это время Данил и Рудж преодолели изрядный кусок пути. Двигались в основном по ночам, днем отсиживались в лесу. Встречавшиеся городки обходили, через деревни ехали напрямик. Парды отъелись на подножном корму – дождь выгнал из земли несметное количество грибов, вдоль болот росли кусты, усыпанные гроздьями тусклых сизых ягод. Парды пожирали их с невероятной жадностью. Рудж рискнул, попробовал – оказалось ничуть не хуже винограда. Если бы не дожди, кормчий счел бы путешествие вполне терпимым.

Спокойная жизнь кончилась в полдень шестого дня. Северяне проснулись от тревожного ворчания пардов.

Данил прислушался.

– Пеший, – негромко произнес он. – Один.

Но едва разбудивший их человек появился на поляне, светлорожденный убрал руку с меча. Сутулый старик ростом по плечо Руджу, тощий, лысый, как выяснилось, когда пришелец откинул капюшон. Остатки волос старикашка заплел в косицу и свернул на манер жителя Тайдуана, но одет по-здешнему.

Парды зарычали. Пришелец им не нравился. Но Данил не счел его опасным.

– Есть хочешь? – на аркинно спросил светлорожденный, верный обычаем.

– Благодарю... благородный воин! – ответил старичок... На хорошем хольдском.

Рудж недоверчиво оглядел пришельца от оловянного цвета косицы до коричневых сапог.

– Ты кто? – напрямик и довольно недружелюбно спросил он.

Данил никогда не позволил бы себе такой бестактности.

Но старичок ничуть не обиделся.

– Усик меня зовут, – ответил он добродушно. – Не осмеливаюсь спросить, что делают светлорожденный Империи и его друг в хуридском лесу.

– Позволь узнать, почему ты предположил, что я – светлорожденный? – осведомился Данил.

Он уже жалел, что предложил пришельцу пищу.

– В благородном господине – кровь Асенаров! – Старичок усмехнулся, обнаружив полный рот отличных зубов. – Я видел твоего родича однажды. А если б и не видел – твоя кольчуга, меч... Вагарова работа, верно?

И, усевшись на бревно подле костра, с невероятной быстротой принялся уплетать холодную грибную похлебку собственной, извлеченной из-за голенища ложкой. Через пару минут котелок опустел.

Рудж и Данил: один – с удивлением, второй – восхищенно, – наблюдали за исчезновением собственного обеда.

Старичок докушал, с сожалением поглядел на донышко и тщательно облизал ложку.

– Я не всегда так ем, – пояснил он. – Но когда нервничаю, мне надо кушать.

– И что же тебя, сударь, обеспокоило? – поинтересовался Данил.

– У меня серьезная встреча здесь, в этом лесу, – важно сообщил старичок. – Кстати, он принадлежит Риганскому монастырю. Монахи называют его Мокрым, чернь – Могилой. Потому что пойманных тут бродяг святые братья обычно живьем закапывают в землю.

Все это было поведано доброжелательным дребезжащим тенорком. Словно дедок рассказывал о прихотях любимой внучки.

– И с кем же у тебя назначена встреча, сударь? – спросил Данил. – Уж не с монахами ли?

Усик прижмурил глаз, поглядел сначала на светлорожденного, потом на хмурого кормчего.

– С вами, благородный Данил и достойный Рудж!

И наклонил голову набок: ни дать ни взять – стервятник ург, приглядывающийся к падали.

– Ты встретился,– Данилу совсем не понравилось, что старикашка знает их имена: тут уже не прикроешься болтовней о фамильном сходстве.– Говори!

– Мне нужна твоя помощь, благородный господин! – Усик склонил голову к другому плечу и обозрел светлорожденного другим глазом.

– Мы – беглецы во враждебной стране,– сказал Данил.– Мы можем вместо помощи принести тебе смерть.

– Не беспокойся об этом. У тебя есть некая вещь, которая тебе не принадлежит. Верни ее мне, и я буду вечно тебе признателен.

– Что ты имеешь в виду? – спросил светлорожденный.

– Он имеет в виду браслет, который ты носишь на руке,– вмешался Рудж.– Я думаю, нам следует его убить!

– Уж не думаешь ли ты, морячок, что сможешь меня убить? – осведомился старичок.

– Уходи! – резко бросил Данил.– Ты ел мою пищу, и я не хочу применять силу!

– О! Мой господин чтит старинные обычаи! – Усик захихикал.– Что ж, я тоже не стану тебя убивать.

Он вскинул руку:

– Гаваом лхац...

– Ни слова, маг! – Меч светлорожденного мгновенно оказался у груди Усика.– Ни звука – или я забуду о старинных обычаях...

– ...атм! – закончил чародей.

И Данил окаменел.

– Богиня,– прошептал Рудж, коснувшись своей серьги.– Богиня, укрой нас!

Чародей захихикал, схватил светлорожденного за руку и дернул застежку браслета. Руджа он явно и в грош не ставил. Металлический щелчок – и браслет с посланием – в руке мага...

В этот момент ветер хлестнул по кронам, сорвав черные хлопья листьев. Солнечный луч ударил прямо в глаза светлорожденному,– и он очнулся. И, не раздумывая, полоснул мечом.

Чародей взвизгнул, взмахнул руками... и пропал.

Серебряный браслет лежал у ног светлорожденного. Данил поднял его и надел на запястье.

– Благодарю тебя, Богиня! – проговорил Рудж.

Голос его дрожал.

– Да,– сказал Данил.– Это было неприятно. И обед наш сожрал, паршивец! Парды-то, умницы, сразу его раскусили. Как ты разбил чары?

– Не я, Морская богиня,– Рудж коснулся серьги.– Мы, Владыки морей, хранимы от магии. По счастью, не только на море, как выяснилось. Но это тайна, Данил!

– Я понимаю,– он покачал головой.– Алчущий из Тайдуана. Ну и ну!

– Почему из Тайдуана?

– Акцент. Седлай-ка парда, Мореход. Пообедаем мы где-нибудь в другом месте. Чует мое сердце – отсюда надо убираться!

* * *

– Ушли четыре часа назад,– доложил следопыт и отшатнулся от зарывавшего на него пса.

– Придержи зверя, ты, крыса! – рявкнул на ловчего Дорманож. И следопыту: – Продолжай!

– Ушли быстро, но не поспешно. Вон туда.

– Кто-то их спугнул? – предположил брат Хар.

– Кто? – Дорманож, Брат-Хранитель Риганского монастыря, глядел на выжженное пятно посреди поляны. Вчерашнее кострище. Сегодня огня не разводили.

Брат Хар промолчал. Дорманожу это понравилось. Не знаешь – не болтай. Толковый юноша. Среди нынешних Слуг Величайшего таких совсем мало. «Богу угодно, когда дух веселится!» Но от вина и дурмана человек тупеет. А угодна ли Величайшему тупость?

– Жаль, смиренник удрал, – сокрушенно пробормотал брат Опос, неизменный спутник и правая рука Дорманожа. Рука, слабеющая с каждым годом.

– Был бы ты повнимательней, не удрал бы, – напомнил Брат-Хранитель.

– Просто у нас скверные псы, – буркнул Опос. – Надо было взять гурамца!

– Там следа не было, вовсе не было, – обиженно пробормотал ловчий.

– Это как же? – язвительно спросил Опос.

– А я почему знаю? Не было, и все.

– У этих – есть, – отрезал Дорманож. – Спускай собак. Надо догнать их раньше, чем они доберутся до тракта. Возьми следопыта, брат Хар. Марш!

Следопыт вскарабкался на круп парда позади монаха и изо всех сил вцепился в луку седла. Нельзя сказать, что он был рад такой верховой езде. Ловчий спустил свору и погнал парда через кустарник. Стая синих ящериц, поднятых собаками, кинулась врассыпную. Но у людей была добыча поинтереснее. Самая интересная добыча для человека – его сородич!

Охотничий пард Дорманожа с легкостью поспевал за собаками. Брат-Хранитель припал к его холке. Он не сомневался, что еще засветло догонит чужаков. Трудность в том, чтобы взять их живыми.

* * *

Данил придержал парда, привстал на стременах, огляделся.

– Нас преследуют, – спокойно сказал он.

– Почему ты так решил? – спросил Рудж.

И тут же услышал отдаленный лай.

– Может, просто охотники? – неуверенно предположил он.

– Нет. Я чувствую.

И пустил парда легкой рысью.

– Вот как? – Кормчий с уважением поглядел на светлорожденного.

Дар предвидения – куда большая редкость, чем, скажем, умение взглядом зажечь огонь. Большинство провидцев не предугадывало будущее, а узнавало волю богов. Что, впрочем, тоже встречалось не часто.

Данил угадал его мысли и рассмеялся.

– Это не магия, Мореход! Это чутье воина. «Если ты не замечаешь лучника раньше, чем он выстрелит, то закончишь путь со стрелой в затылке». Мангхэл-сёрк.

– Ах да, – ухмыльнулся Рудж. – Чародей же сказал, что ты Асенар, а про союз Асенаров с Малым Народом знает даже такая морская крыса, как я!

– Я Асенар только по матери. По праву я – Рус, а Мангхэл-сёрк меня учил Нил Биоркит. Знает ли, морская крыса, кто это такой? (Рудж фыркнул.) Не полному искусству, – тут же, не без сожаления уточнил светлорожденный, – но достаточно, чтобы сохранить жизнь. Я рассказывал тебе о пятнистых аффах? Ты нервничаешь, Мореход? В чем дело?

– Мне крайне интересно все, что ты говоришь, – произнес кормчий. – Но если за нами погоня, может быть, поторопимся?

– Пожалей животных, сударь. И не тревожься, я обо всем позабочусь.

Данил с полной невозмутимостью покачивался в седле. Даже что-то напевал.

По расчетам Руджа, они уже должны были вот-вот выехать на тракт. А собачий лай раздавался все ближе. Может быть – в полумиле.

Рудж часто оглядывался. Ему казалось: преследователи вот-вот появятся между деревьями.

– Что делать, если они нас догонят? – нервно спросил кормчий.

Данил перестал петь. Он заставил своего парда принять вправо, так, что тот оказался рядом со зверем Руджа.

– Взгляни, – Данил указал на землю.

Рудж недоуменно посмотрел вниз.

– Ну и что? – спросил он.

– Извини, – Данил смутился, что с ним случалось редко. – Видишь, здесь сдвинута старая листва. Это наш собственный след. Мы уже два часа рисуем узоры для тех, кто так жаждет с нами пообщаться. Если у парней нет пса-следопыта с верхним чутьем, им придется здорово попотеть. А на тракт мы выедем у них за спиной и попозже. Хотя сначала я хочу взглянуть, кто пристраивается нам на хвост.

– А если у них есть гурамский следопыт?

– Тогда будем драться. Еще пара петель – и мы заляжем. Веселей, Мореход! Разве тебе не хочется посмотреть, кто тебя так полюбил?

– Представь себе, не хочется, – честно ответил Рудж. – У меня нет склонности к мужчинам, не говоря уже о вонючих монахах.

Спустя полчаса, накрыв плащами морды пардов, северяне залегли в зарослях с подветренной стороны от собственного следа. И Данил получил возможность удовлетворить свое любопытство.

Первыми появились собаки. Белые мускулистые гончаки, молча трусившие по следу. Затем – всадники. Первый – рослый мужчина на желтом охотничьем парде с явно примесью крови хасца⁶. Данил хорошо рассмотрел лицо всадника – безбородое, с чеканным профилем, – и решил, что этот человек не из тех, кому приказывают. Тем более что вооружение всадника – явно конгайского происхождения. И дорогое. Если бы не серый плащ с пятиконечным крестом Братства, светлорожденный мог бы усомниться, что перед ним – хуридит.

Рядом с монахом, держась за стремя, бежал человек в зеленой одежде простолюдина. По его повадке Данил понял, что «зеленый» – следопыт. Причем псам он не очень-то доверяет.

Данил и сам не стал бы им доверять. Гончак – не гурамец с верхним чутьем.

Следом за первым выехали еще два монаха. Оба – в коричневых плащах и тоже в конгайских доспехах. Но похуже. Одного из них светлорожденный сразу вычеркнул из числа противников. Старый, толстый, невнимательный. Четвертый всадник не принадлежал к Братству, но был вооружен. Луком и пикой. Итак, четверо – против двоих. Следопыта можно в расчет не принимать. Если Данилу удастся сразу свалить первого монаха, с остальными проблем не будет. Но первый всадник выглядел достаточно серьезным противником. Эх, будь с Данилом не славный кормчий, а кто-нибудь из северян-побратимов, они через полчаса сменили бы своих заморышей на порядочных пардов! Но сейчас риск несоразмерен. У монахов – арбалеты. Да и псы полезут в драку. Жаль, но прямо сейчас сменить пардов не удастся.

Вскоре фигуры всадников затерялись среди деревьев. Только белые тела гончих еще долго мелькали между черных стволов.

– Не заметили, – облегченно проговорил кормчий. – Теперь – на дорогу?

– Нет, – покачал головой Данил. – Мы поедем за ними. Так... безопасней.

⁶ Хасцы – порода пардов, считающаяся самой быстрой.

Он покривил душой. Не хотел заранее пугать друга. Но очевидно же, что хорошего парда в Хуриде можно раздобыть, только выдернув из-под зада монаха. А хорошие парды – половина успеха.

Как и надеялся Данил, хуриднты след не бросили. Распутывали петли до темноты, а потом встали лагерем. Северяне расположились в ложинке, с подветренной стороны. С помощью кормчего Данил соорудил два наклонных навеса из веток. Между навесами установил пару сухих стволов, надколов их клиньями, а щели набив лохмами черного мха. При здешней сырости такая штуковина – получше костра.

– А если хуридские псы учуют дым? – спросил Рудж.

– Не учуют. А вот кугурр или хуруг – наверняка. Этой ночью нам хватит забот и без здешних хищников. Хорошие парды у монахов, сударь. Думаю, мы будем на них смотреться лучше, чем братья-монахи.

– Увести пардов? – изумился Рудж. – Боевых пардов?

– Охотничьих, а не боевых, – уточнил светлорожденный. – Я, друг Мореход, весь последний год службы выслеживал парней, промышлявших по этой части. И кое-чему научился.

Воровской «арсенал» оказался невелик. Сумка с вяленным мясом, несколько арканов. Напоследок, задрав парде хвост, Данил поелозил под ним холщовыми рукавицами. Парда была возмущена.

– Пойдешь со мной? – спросил светлорожденный.

– А ты рассчитывал повеселиться без меня? – удивился Рудж.

– А вдруг ты, сударь, не желаешь заниматься столь предосудительным делом?

– Угу. А как насчет кодекса воина?

Данил засмеялся.

– Все в порядке. На поединок меня никто не вызывал, если только в Хуриде не считается вызовом травля собаками. А раз так – это война. И все, что в мирное время называется украденным, сейчас – трофеем.

– Ну ты законник, – проворчал Рудж. – Будешь платить мне откупное, если хуридский пард отхватит мне руку?

– Если правую – да. Без левой ты вполне сможешь держать кормило. Главное не откуси язык, когда будешь скакать без седла.

– Без седла? – Перспектива кормчему не понравилась. Но он, верный себе, сострил: – Если ты, благородный Данил, отобьешь яйца о пардов хребет, останешься без наследника. Тогда усыновишь меня, идет?

– Обойдешься. Я лучше поймаю того тайского мага и пусть делает мне новые. А вот с тобой как?

– Я – моряк! – гордо ответил Рудж. – У меня есть запасные.

– Спят, как младенцы, – прошептал Рудж. – Даже не выставили часового.

– Они – дома, – отозвался светлорожденный. – И у них собаки.

– Если здешних псов кормят так же, как кормили наших пардов, они сожрут нас живьем, – пробормотал Рудж, разглядывая поджарых, ребра наперечет, собак, устроившихся поближе к костру.

– Не здешние, – поправил Данил. – А настоящие гурамские гончаки. – У меня дома есть пара. У них хороший голос, быстрые ноги, неплохой слух, но чутье – так себе. Видишь пардов?

– Да.

– На, – Данил сунул кормчему рукавицу. – Ткнешь в нос. Сейчас я отвлеку собак. У тебя будет минут пять. Если ветер не переменится. А переменится – беги. Я тебя найду.

И растаял в темноте.

– Вот так всегда,– проворчал Рудж.– Самое противное всегда достается мне.
И двинулся в обход поляны.

Данил отбежал от хуридского лагеря шагов на пятьдесят, выбрал дерево потолще и издал негромкий кашляющий звук. Он не знал, водятся ли в Хуриде рогатые прыгуны, но его собственные псы с ума сходили, учуяв или услышав эту ящерицу. Светлорожденный еще раз повторил звук и резко оборвал его, прижав ладонь ко рту.

Данил порадовался бы, увидев, как встали торчком подрезанные уши гончих. Люди, естественно, ничего не услышали. Но когда оба зверя разом вскочили на ноги и зарычали, Дорманож мгновенно проснулся и пнул ловчего. А пока ловчий соображал, что к чему, псы сорвались с места и ринулись в темноту.

Дорманож взялся за рукоять меча и, напрягая зрение, вглядывался туда, откуда доносился лай гончих. Но не видел ничего.

– Они что, взбесились? – спросил проснувшийся брат Хар.

– Учужали кого или услышали,– пояснил ловчий.– Зверя какого, может, хуруга. Не любят они хуруга, ваша святость. Только вдруг он их зажрет?

– Иди за ними,– скомандовал Дорманож.

– Господин!

– Ты оглох? – Брат-Хранитель холодно посмотрел на ловчего.

И тот не посмел возражать: боялся Дорманожа больше, чем дюжины хуругов. Взяв пику,– от лука в такой темнотище пользы никакой,– ловчий побежал вслед за собаками.

– А если это действительно хуруг? – спросил брат Хар.

– Пусть тогда жрет этого дурня, а не псов,– буркнул брат Опос, страшно недовольный тем, что его разбудили.– Почему он собак не привязал?

– Кто же в лесу собак привязывает? – удивился брат Хар.– Глупость.

– Непочтителен ты,– обиделся брат Опос.– А знаешь, что гончие эти целой деревни смердов сто€ят, знаешь?

– Тихо,– перебил Дорманож.– Догнали.

Лай сменился рычанием. Затем наступила тишина.

– Догнали! – проворчал брат Опос.– Прощай наши собачки!

– Облачайтесь! – скомандовал Дорманож.– Это не зверь. Зверь не управился бы так быстро.

Увидев белые тени гончих, Данил шагнул за ствол и еще раз кашлянул, подражая рогатому прыгуну. И буквально через мгновение гончая пронеслась мимо, ловко развернулась – и увидела человека.

Меч сверкнул в воздухе и плашмя опустился на голову пса. Один есть. Вторая уже не замешкалась – с набега, с рычанием прыгнула на северянина. Ее учили брать не только зверя. Но есть разница между простолюдином и воином. И разница эта вспыхнула снопом искр в собачьей голове.

Данил мысленно похвалил себя. Оба гончака живы (жаль убивать таких прекрасных животных!), но очухаются не скоро.

Звук шагов со стороны лагеря. Светлорожденный прижался к стволу. Спустя полминуты он разглядел силуэт человека. Тот шел прямо к северянину. Данил не сразу сообразил, что хуридит просто идет за собаками. Светлорожденный бесшумно переместился вправо. Человек миновал его, не заметив. И оглушенного пса он тоже не заметил, хотя сам Данил прекрасно видел белый собачий бок. От хуридита несло страхом. Хорошо. Ночью страх превращает во врага любую тень. И превращает в тень настоящего врага. Второго пса хуридит заметил. Потому что споткнулся об него. Вскрикнув, ловчий тут же осекся и завертел головой. Затем

присел и ощупал тело собаки. Но тут он почувствовал прикосновение металла к шее – и обмочился от страха.

– Кричи, – негромко произнес Данил. – Кричи – или умрешь.

– Снарядить арбалеты, – распорядился Дорманож.

– Пардов берем? – спросил брат Хар.

– Нет.

– Черные повязки? – понизив голос, спросил Оpos.

– В лесу? – язвительно бросил Дорманож.

– Кто бы ни был – его следует проучить! – заявил брат Хар. – Мы – воинствующие монахи!

И это наш лес!

– Э, кричал кто-кто? – перебил его Оpos.

– Наш ловчий, – сказал Брат-Хранитель. – Хар, затуши костер.

Ловчий попытался крикнуть, но сдавленное ужасом горло только булькнуло. Данил убрал меч.

– Делай, что скажу, – и останешься в живых. Понял?

Хуридит кивнул.

– Брось пику.

Ловчий отшвырнул оружие.

– Теперь зови остальных.

– Господин... – хрюкнул хуридит. – Я...

– Кричи. – Меч снова коснулся шеи ловчего.

– Ваша святость! – хрипло выкрикнул тот.

– Громче!

– Ваша святость! – истошно завопил ловчий. – Ваша святость! Скорей сюды! Тута собаки побиты! Ваша святость!

Услышав второй, отчетливый, вопль ловчего, брат Хар бросился на крик.

– Стоять! – рявкнул Дорманож. – Костер гаси!

– Ваша святость! Скорей! – донеслось из чащи.

Хар свирепо растоптал последние угольки. Теперь только свет молодой луны разгонял темноту.

– Останешься здесь, – приказал Брат-Хранитель следопыту. – Позовем – откликнешься. Хар, Оpos, разойдитесь на тридцать шагов и обогните крикуна.

– Ловушка? – спросил брат Оpos.

Ловчий продолжал надрываться.

– Возможно. Вперед!

Сам Брат-Хранитель выждал несколько минут, а затем двинулся прямо на голос. Страх он не испытывал. Хар прав: воинствующему монаху дюжина разбойников – тьфу! Но есть еще вчерашний старикашка и день безуспешного преследования неизвестно кого, – нет, Дорманожу все это определенно не нравилось.

Трое хуридитов двинулись в лес. Один остался. Рудж понял: пора. Успокаивая себя тем, что охотничьи парды не бросаются на людей без повода, кормчий двинулся к цели. Парды не спали. При приближении Руджа звери зарычали. Один потянулся вперед, насколько позволяла привязь, навис над кормчим.

– Спокойно, спокойно, малыш, – забормотал Рудж и поспешно сунул парду рукавицу.

Зверь ткнулся носом и заурчал. Жесткий язык с шорохом прошелся по холстине. Еще один пард подошел сбоку, пихнул, фыркнул в ухо, потянулся к рукавице. Первый щелкнул зубами: не лезь!

Осмелевший Рудж похлопал парда по спине, и – удача! – рука его наткнулась на луку седла.

И второй – тоже оседлан!

Кормчий набросил ремень на шею второго парда, перерезал привязь и прыгнул на спину первого зверя. Наклонился, нащупывая вторую привязь... услышал щелчок тетивы и тупой удар попавшей в цель стрелы. Пард завизжал, взвился в высоком прыжке. Кормчий полетел вниз, а пард с жалобным воем умчался прочь. Прежде, чем оглушенный кормчий пришел в себя, стрелявший прыгнул на него и ударил ножом в грудь.

Светлорожденный увидел Дорманожа шагов за двадцать. Брат-Хранитель северянина не заметил, поскольку тот сливался со стволом. И дыхания его хуридит тоже не услышал: при приближении монаха Данил перестал дышать. Но одну ошибку светлорожденный совершил. Воспитание не позволило Данилу убить хуридита внезапным ударом. Кроме того, Дорманож оставил шлем на поляне, и в темноте Данил принял монаха-воина за слугу. И, коснувшись клинком его шеи, скомандовал:

– Стой!

Светлорожденный понял свою ошибку, когда его меч звякнул о металл шейного выступа кирасы.

Дорманож отшиб оружие северянина латной рукавицей и рубанул собственным мечом. Данил успел защититься боевым браслетом, но левая рука его онемела – так силен оказался удар. Дорманож, выхватив кривой кинжал, попытался вспороть северянину живот. Данил отпрыгнул и, выигрывая время, веером раскрутил клинок. Затем – выпад, восходящее движение и резкий мах клинком вниз, к колену. Дорманож успел убрать ногу.

«Тысяча демонов! – изумился Данил. – Какой боец! Откуда он взялся?»

Точно такой же вопрос задал себе и Дорманож.

В темноте Данил не мог определить возраст противника, но по тому, как тот дышал, предположил: не так уж молод.

Вниз-поворот-прямой укол-скользящий-отвод-прыжок с режущим слева. Выкованный вагарами клинок пел негромкую песню и весело звенел, встречаясь с конгской сталью.

Данил поворотом кисти отвел встречный выпад, свободной рукой поймал запястье хуридита, резко повернул. Монах, вскрикнув, упал на колено... и ударил светлорожденного кинжалом, целясь в пах. Данил, не успевая парировать, выпустил руку противника, упал на спину, перекатился и встал на ноги. Кинжал хуридита распорол его штанину. По счастью, только ее. Но Данил понял: хуридита надо класть сейчас. Еще одна ошибка может оказаться необратимой. Светлорожденный отступил – и хуридит, разумеется, ринулся вперед. Шаг в сторону, меч Данила упал на траву, пальцы сомкнулись на правом запястье Дорманожа, поворот, рывок... Ноги хуридита оторвались от земли – миг – и он зарылся головой в мокрую листву. Светлорожденный вышиб у него меч (кинжал монах выронил) и придавил к земле. Теперь жизнь хуридита принадлежала Данилу.

Рудж услышал скрежет стали о сталь, ощутил боль в груди. Враг, прижав кормчего коленом к земле, долбил ножом, пытаясь продырявить кольчугу. Похоже, он не соображал, что делает, иначе уже давно перерезал бы северянину горло. Боль изгнала туман из головы кормчего, и Рудж врезал противнику коленом между ног. Попал! Кинжал в последний раз царапнул по кольчуге – и хуридит повалился на бок. Рудж поднялся, зашипев от боли в ушибленной

спине. Вынул меч... Никто на него не нападал. Пардов схватка людей не заинтересовала. Они обнюхивали сброшенную кормчим рукавицу.

Рудж возблагодарил Повелителя Судеб, зацепил ремень, болтавшийся на шее одного парда, за седельную пружину второго и вскарабкался в седло. Пард рывкнул, шелкнул зубами, но получил по носу – и успокоился. Рудж хлопнул его между ушей: пошел, приятель. Оставались еще два парда, но кормчий решил: им с Данилом хватит и двух. Светлорожденный, конечно, забрал бы всех, но моряк не знал правил сухопутной войны, одно из которых гласило: ничего не оставляй врагу.

– Кто ты и почему преследуешь нас? – на аркинно спросил Данил.

– А ты, имперец, что ты делаешь на землях Братства? – задыхаясь (светлорожденный крепко приложил его оземь), проговорил Дорманож.

Дерзость спасла Брату-Хранителю жизнь. Перерезать горло столь умелому и отважному воину? Все равно что выпить залпом тридцатилетнее вино. Светлорожденный охотно вернул бы хуридиту меч и продолжил поединок. Но это удовольствие придется отложить. В конце концов, он затеял игру не ради истребления монахов, а о пардах Рудж наверняка уже позаботился. Один удар кулаком – и монах обмяк.

Лучше бы Данил его убил. Но светлорожденный не знал, кому оставляет жизнь. И он не был бы Данилом Русом, если бы поступил иначе.

На полпути к лагерю северянин наткнулся еще на одного монаха. Этот оказался попроще. Первым же выпадом светлорожденный проткнул хуридиту икру, надолго лишив возможности бегать.

В лагере хуридитов Данил обнаружил следопыта – скулящего на четвереньках – и пару оставленных Руджем пардов.

Светлорожденный посвистел, сунул каждому по куску вяленого мяса – и они поладили.

Итак, набег завершился успехом. В одном только светлорожденный сильно сомневался: найдет ли его друг дорогу к их собственной стоянке? Впрочем, последнее не так уж важно. Данил отыщет его сам.

Светлорожденный в очередной раз оказался прав. Отъехав от лагеря монахов на порядочное расстояние, Рудж понял, что понятия не имеет, куда держать путь. Поэтому поступил просто: расседлал пардов, а когда звери улеглись, втиснулся между ними и тут же заснул.

Разбудил его Данил. Он прибыл со всей их поклажей и пардами. Ругать кормчего за беспечность светлорожденный не стал: бесполезно.

Трех пардов, взятых в деревне, и одного из похищенных ночью – отпустили. Два под седлом и один выючный – вполне достаточно для путешествия в несколько сотен миль. В отличном настроении друзья отправились в путь. А вот для Дорманожа и его подначальных утро оказалось куда менее приятным.

III

Отпущенный Данилом пард вер нулся к прежним хозяевам. И хвала Величайшему, иначе пришлось бы нести брата Хара на руках. Дорманож собственноручно, с подобающими молитвами, зашил рану, однако встать на проколотую ногу брат Хар не мог. Что-то важное перерезал в ноге проклятый имперский меч. В общем, взгромождили бедного Хара на спину парда и тронулись. Прошли с милю. И решили дальше не идти. Следопыт скулил, что яйца распухли, ловчий дважды блевать ходил, да и самого Брата-Хранителя крепко отделал имперец. Ах, как он сражался! Чудо, что всех не прикончил. Воистину, чудо!

Только собаки чувствовали себя прекрасно. Однако на охотничьих псах не поедешь. Это не упряжные.

– Оpos,– скомандовал Дорманож.– Садись в седло и давай на тракт. Сколько до него?

– Миль шесть,– ответил следопыт.– Или пять.

– За час обернешься. А ты проводишь,– бросил он следопыту.

Тот заскулил было, но под тяжелым взглядом Брата-Хранителя сник. Дорманожу только повод дай – враз без передних зубов останешься.

Оpos взгромождился в седло, несчастный следопыт взялся за стремя – и отправились.

Вернулись, конечно, не через час, но до полудня. С пардами, взятыми именем Братства у проезжих купчишек. На тракте смахнули с пары возов купеческое барахло и с удобством доехали до монастыря. Засветло.

Риганское обиталище Братства – самое крупное в Хуриде. И самое значительное. Земель – за полмесяца верхом не объедешь. Одних рабов, бывало, до тридцати тысяч числилось. В лучшие годы. А сколько нынче людишек – никто не знал. Теперь подать по деревням собирали, а не по головам.

Сам монастырь невелик. Но крепок. Стены в тридцать локтей, башни, ворота, железом окованные. Твердыня веры.

Дорманож занимал в обиталище дом, лишь немногим уступавший дому Отца-Настоятеля. Сам строил. На собственные средства. А прежний дом – снес. Слева от Дорманожевых хором – Настоятелевы. Эти чуток повыше, ибо по уставу положено, чтоб над ними только храм возвышался. Справа от Дорманожа – казармы воинствующих монахов. С фасада – малое ристалище. Единственное открытое место в монастыре.

Жил Дорманож с удобствами. После одиннадцати лет, проведенных в столичном дворце Братства, и еще трех – во дворце Наисвятейшего, Дорманож привык к роскоши. Правилами, впрочем, роскошь не возбраняется. Если средства есть.

Хранительство в Ригане для Дорманожа – опала. Кабы не интриги – быть бы ему в числе Отцов-Управителей. Но опала – не казнь. Все еще может перемениться.

После вечерней службы Дорманож отправился к Отцу-Настоятелю. Тот весь истомился – так хотелось узнать, что же произошло. Но посылать за Дорманожем, чтоб явился с отчетом, – не стал. Сам придет. Отношения у Брата-Хранителя и Отца-Настоятеля – трудные. А ладить надо. Для общей пользы.

Расположившись с удобством на ложах, предназначенных для глубокомыслия, приступили к делу. То есть Дорманож рассказывал, а Отец-Настоятель слушал, запивая неприятные вести черным сладким вином.

Начал же Брат-Хранитель с того, что встретили они человека в облачении странствующего монаха. И сказал им тот человек, что бродят в Риганском лесу люди нехорошие. И в доказательство своих слов показал стоянку. Пока же Дорманож с Харом, спешившись, осматривали следы, монах пропал. И брат Оpos, коему поручено было за смиренником приглядыв-

вать, только руками разводил. Монах пропал, даже следа не оставив, но след чужаков – остался. А посему решил Дорманож пренебречь охотничьим весельем ради долга и пустил собак по человеческому следу...

– Нехорошо вышло, – дослушав, пробормотал Отец-Настоятель. – Что будешь делать, Брат-Хранитель?

– Прошу твоего совета, – с деланным смирением проговорил Дорманож.

Настоятель знал – смирение фальшивое. И Дорманож знал, что Настоятель знает. Однако же ладить надо.

– Молиться следует, – поучающе изрек Отец-Настоятель. – Величайшему молиться. И святому Дихгиму, покровителю Риганского обиталища. Уверен ли ты, что не простые то разбойники, а проклятые имперцы?

Дорманож пожал плечами.

– Можно выяснить, – сказал он. – Помолившись.

Иначе говоря, послать к «лесным братьям» человечка. И спросить. Но прямо об этом не скажешь. Что «лесные», что «ночные братья», иначе именовавшиеся «черными повязками», перед Наисвятейшим – преступники. Но помнил Дорманож, и Отец-Настоятель тоже помнил: те из облеченных властью, кто вознамеривался с этими преступниками покончить, – кончали плохо. А кто с разбойниками ладил – извлекал немалую пользу. Для Братства. И для себя. Тем более, и овцы послушней, ежели дикие псы поблизости.

Помолчали ради солидности. Затем Отец-Настоятель сообщил, что должен подготовиться к святой службе. А потому Брат-Хранитель может удалиться. Что Дорманож и сделал.

Репутация Дорманожа требовала возмездия. Да и как ревностный представитель Братства он должен отыскать и покарать имперских шпионов. В первую очередь – отыскать. Брат-Хранитель потянулся к гонгу... и почувствовал: кто-то есть за спиной. Он резко обернулся, готовый излить гнев на бестолкового раба... Но увидел не раба, а незнакомого тщедушного человечка. Человечек лежал, развалившись на любимом ложе Брата-Хранителя.

От подобной наглости Дорманож потерял дар речи.

– Пустое, – усмехнулся человечек. – Не гневись – от злобы кровь портится.

И по скрипучему голосу Брат-Хранитель признал в нем вчерашнего монаха.

Незванный гость щелкнул перстами – и прямо из воздуха возникла серебряная курильница с гибкой трубкой. В покоях потянуло дурманым дымком.

– Не желаешь, святой брат? – осведомился маг.

– Нет!

Маг, раздери его демоны! По закону Наисвятейшего за колдовство полагалась немедленная смерть – посредством вздергивания за ноги над монастырскими воротами. Проклятого следовало оставить висеть, пока душа его – вместе с чарами – не истечет в землю. Однако дураку, который пожелал бы проделать подобное с м а г о м, следовало только посочувствовать. Дорманож дураком не был. К тому же краем уха он слышал: у Отцов-Управителей в последние годы даже дела какие-то завелись с тайдуанскими Алчущими Силы.

– Значит, не хочешь, – чародей выпустил струйку пряного дыма. – Зря. Хур освобождает дух постижения.

Дорманож снял со стены меч в ножнах. Пристегнул к поясу. Маг не препятствовал.

– Тебе не место здесь, – проворчал Брат-Хранитель.

Чародей ухмыльнулся. На редкость гнусная рожа.

– Хочешь знать, где твои враги?

Дорманож молчал. Сам скажет, иначе не спрашивал бы.

– Хочешь знать, откуда взялись в Риганском лесу имперцы?

– Говори, – буркнул Брат-Хранитель.

Тройное проклятие! Ему стало неудобно в собственных покоях.

– Слышал ли ты о корабле, что сгорел недавно в Воркарской гавани?

– Да.

– Я его сжег! – с видимым удовольствием сообщил чародей.

– Зачем?

Незванный гость проигнорировал вопрос.

– Те двое, – сказал он. – Удрали с того корабля. Они тебе понравились?

– Дерутся хорошо, – признал Дорманож. – По крайней мере, один из них.

– Еще бы! Ты скрестил клинок с потомком Асенаров. Гордись!

Дорманож чуть шевельнул плечами. В имперских родословных он не разбирался.

– Когда я его поймаю, вздерну его на три локтя выше, чем обычного бродягу. Понравится твоему благородному такой почет?

– Он не мой, – покачал головой чародей. – Делай с ним, что пожелаешь. Но есть одна вещь, которая принадлежит мне. Я помогу тебе, святой брат, а ты, когда схватишь северянина, отдашь мне эту вещь.

– Если не сочту ее полезной для Братства! – отрезал Дорманож.

– Братству будет очень полезно, если эта вещь не попадет в Империю, – с нажимом произнес маг.

– Что за вещь?

– Тебе, святой брат, о том знать не обязательно. Схвати имперца – и я приду за ней.

– Если не опоздаешь!

– Не беспокойся. Я не опоздаю. Хуже будет, если опоздаешь ты.

– Где они?

– На пути в Кариомер. Через четыре дня будут там.

– Я возьму их. И спрошу, какого демона им надо в Кариомере.

– В Кариомере – никакого. Они идут в Конг. Бегут в Конг.

Дорманож удивился.

– Сотни миль по нашей земле? Да их задержит первая же застава.

– Кое-кто уже пытался их задержать, – маг засмеялся – будто сухое зерно просыпалось. –

Они едут в плащах Святого Братства на твоих собственных пардах, а кошельки их полны денег. Только ты сумеешь их задержать. И только с моей помощью. И еще: Наисвятейшему непременно доложат, кто схватил имперских шпионов. Ты все еще хочешь войти в число Отцов-Управителей?

После удачного похищения северяне больше не сворачивали в лес. Данил посчитал, что скорость сейчас важнее скрытности. Светлорожденный не обнаружил в Хуриде зеркальной связи, следовательно, если поспешить, можно опередить известия о себе. На хороших пардах по дороге не так уж сложно делать миль по пятьдесят в день. Парды же сослужили им еще одну службу: показывали встречным монахам, что всадники – немалого ранга, раз путешествуют на таких прекрасных животных. Однако то же самое, что на дороге обходится легко, может пройти вовсе не так гладко там, где придется остановиться на ночлег. Рудж, как ни хотелось ему спать в постели, а не в сырой чаще, настаивал на ночевке в лесу. Данил воспротивился. Пора, наконец, познакомиться с хуридитами поближе. И желательно без помощи оружия.

До ближайшего городишки, как сообщал дорожный указатель, оставалась всего миля.

Указатель сообщал также, что в городке шесть сотен облагаемых податью домов, а въездная пошлина составляет двойной медный курш⁷ с человека и шесть – со всадника.

Через четверть часа друзья подъехали к воротам – паре деревянных створов в пять локтей высотой. Данил усмехнулся: городские ворота! За пару минут топором вышибить можно!

⁷ Медный курш – монета, которая определяет стоимость дневного содержания одного взрослого раба.

Лучше уж тогда вообще без ворот. Приличней. Он пропустил Руджа вперед, а кормчий извлек из кошелька серебряную монетку. И едва не совершил серьезную ошибку. Хорошо хоть ему хватило ума бросить монету на землю. Вручи он ее солдату – не избежать неприятностей.

Стражник же, заметив – монах что-то обронил, нагнулся и обнаружил серебро. Ему и в голову не пришло, что монах платит пошлину. Где это видано в Хуриде, чтобы воинствующий монах за что-то платил? Солдат не прочь был бы прикарманить деньги, но вдруг монах проверяет его честность? Поколебавшись не больше мгновения, стражник бросился вслед за всадником.

– Святой отец! Святой отец! – завопил он.

У Руджа душа ушла в пятки. Но он помнил: за ним едет Данил. Поэтому кормчий не пустил парда вскачь.

Солдат догнал его и протянул монету.

– Вы обронули, священный, – проговорил он, тяжело дыша.

Рудж молча принял монету.

– Должно быть, важные шишки, – сказал первый стражник второму, когда всадники отъехали достаточно далеко.

– А то! – согласился второй. – Пошли сыграем разок. Вишь, солнце садится, скоро на боковую.

Спустя два дня оба получили по двадцать палок за потерю бдительности. Но кто же знал, что под плащами Братства скрываются безбожники-имперцы?

– Плащи, – сказал Данил.

Отъехав в тень, оба скинули плащи с пятиконечными крестами Святого Братства и заменили их зелеными накидками, которые запасливый Рудж прихватил из дома убитых монахов. Затем Данил внимательно осмотрел пардов и упряжь. Обнаружив на седельных сумках знаки Братства, светлорожденный соскоблил их, а соскобы натер землей, чтоб незаметно было.

Улочка вывела на рыночную площадь. Торговля почти закончилась, и всадниками никто не заинтересовался.

– Трактир, – Рудж указал на жестяную вывеску с изображением толстяка, прихлебывающего из кружки.

Данил поглядел, скривил губы, однако направил парда в указанном направлении. Выбора все равно не было.

В грязи перед раскрытыми воротами расположилось с полдюжины калек-попрошак. Иногда Руджу казалось – таких в Хуриде больше, чем здоровых. Как будто кто-то специально уродовал людей и рассаживал вдоль дорог, словно чудовищные поганки. На всадников нищие взирали с полным безразличием. Рудж украдкой бросил на колени одного, слепого и без обеих ног, монету, возвращенную стражником.

Въехали в ворота. Прямо за ними, прислонившись к столбам, дремали два здоровяка с дубинами. Вернее, делали вид, что дремлют. Данил заметил внимательный взгляд, брошенный на него из-под сдвинутой на самые брови черной повязки.

– Сюда, сюда, господа путники! – К северянам, размахивая руками, бежал человек.

– Еда и ночлег, – сказал Рудж, стараясь выговаривать слова на хуридский манер.

– Все, что пожелаете! Пожалуйте сюда, пардушек ваших устроим. Ой хороши у вас пардушки.

– Хороши! – с нажимом произнес Рудж.

– Не извольте беспокоиться, – мгновенно поняв намек, отозвался хуридит. – У нас не воруют. Оплачено.

Пард Руджа фыркнул. На земле лежал человек. Голова его была в крови, но это не беспокоило ни их провожатого, ни парня с дубиной у ворот в стойла, в такой же черной головной повязке, как и на привратниках.

Покрытый жирной копотью потолок, до которого можно дотянуться рукой. Дюжина столов, на каждом – оплывающая салом свеча. Землистого цвета лица и кислый запах скверного пива.

Данил шагнул к ближайшему столу, и сидевшие за ним поспешно подвинулись.

Хозяин заведения уже спешил к ним. Наверняка ему сообщили о новых гостях.

– Хорошего вина и хорошего мяса, – распорядился Рудж.

– Сей момент, мой господин! Изволите остаться на ночь?

– Да.

– Господам приготовят лучшие комнаты!

– Комнату, – уточнил Данил. – Одну. И две постели.

– Как угодно, как угодно!

– Как называется этот городишко? – спросил Рудж у соседа по столу, когда хозяин отошел.

– Ширип, – пробормотал хуридит и еще больше отодвинулся и надолго припал к кружке.

То, что он пил, цветом и запахом напоминало о сточных канавах.

Ужин, который принесли северянам, оказался лучше, чем можно было ожидать. А вино – хуже.

Хозяин вернулся в сопровождении угрюмого подростка.

– Покажет вам комнату, – пояснил он. – С вас серебряк с четвертью, добрые господа.

Плата, извините, вперед.

А когда Рудж рассчитался, добавил:

– Завтрак – бесплатно. Но если господа желают что-нибудь еще?

– Горячей воды и два таза! – заявил кормчий.

– Не понял, добрый господин?

– Помыться.

– А... Он все сделает, – кивок на подростка. – Если что еще, только скажите!

– Надо же, – мимоходом бросил хозяин парню с черной повязкой при входе. – Монах ныне пошел: помыться желают. Ну хоть деньги платят.

– Вот, брат Мореход, никого-то мы и не заинтересовали, – сказал Данил, когда они уже лежали в постелях.

– Утром видно будет, – кормчий покосился на дверной засов.

Засов был солидный.

Впрочем, и ночью ни их, ни засов никто не потревожил.

Утром северяне позавтракали (за счет заведения), получили своих пардов, накормленных и вычищенных, и беспрепятственно покинули город, не забыв, впрочем, перед воротами надеть монашеские плащи. Оба полагали, что дела обстоят неплохо. Если не считать зарядившего с самого утра дождя.

* * *

В то утро, когда северяне покинули Ширип, Брат-Хранитель Дорманож выехал из ворот Риганского обиталища. Выехал не один – с четырнадцатью верховыми воинствующими монахами и тремя полусотнями солдат-пехотинцев. Подготовить их к походу в столь короткий срок – настоящий подвиг. Но не меньший подвиг – за четыре дня добраться до Кариомера. Впрочем, пойдут налегке – для поклажи Дорманож выпросил у Отца-Настоятеля три собачьи упряжки.

До полудня шли бодро, потом поскучнее. Но ничего. Если Братство поднимает человека из навоза, дает ему в руки копье и делает сторожевым псом, он должен в поте лица своего отрабатывать долг перед Наисвятейшим.

Дорманож развернул парда и проехался от начала к хвосту колонны. Моросящий дождик сеткой висел в воздухе. Солдатские сапоги скользили по подмокшей глине. Если так пойдет дальше, дорогу развезет и Дорманожу придется оставить пехоту и ехать вперед с одними всадниками.

Брат-Хранитель приглядывался к солдатам: не хромают ли кто, натерши ноги? Если обнаружится такой – будет примерно наказан. И сам, и десятник. Ибо тело солдата есть имущество Святого Братства, и кто с небрежением к нему относится – преступник.

Дорманож двинулся к голове колонны, миновал повозки. Его пард презрительно фыркнул. Известно, парды почему-то недолюбливают упряжных псов. Хотя и не трогают. А вот упряжные на пардов вовсе внимания не обращают, хотя иные тяжеловозы – покрупнее среднего парда. Дорманож слышал: бур-чаданну, у которых пардов маловато, пытались использовать упряжных под седло, да ничего не вышло. Даже боевые псы туповаты, а уж упряжные и вовсе ничего не соображают. Не умнее волов.

Воинствующие монахи ехали впереди. Болтали весело и громко. И не о Величайшем, как полагалось бы, а о вещах безусловно низких.

Измельчали ныне святые братья, подумал Дорманож. Не телом – разумом измельчали. Может, еще и от того, что для рождения их подбирают Отцы-Покровители женщин, что более блещут красой тела, а не силой ума? Но есть и исключения, хвала Величайшему! Например, брат Хар. Мужественный юноша. Нелегко ему в седле с такой раной, однако ж в повозку не просится. Демоны разорви этих урнгриа. Вовсе перестали торговать с Хуридой, и чудодейственная смола теперь достается разве Отцам-Управителям. А на что она им, по пять лет за меч не бравшимся? Конечно, у Дорманожа есть небольшой запас. Но не так много, чтобы тратить его на других.

Мильный столб. «36». Совсем недурно. С утра – двенадцать миль, несмотря на погоду. Разумеется, Дорманожу совсем не обязательно столько солдат, чтобы поймать двух имперцев. Тем более что в Кариомере и своих ловцов хватает. Но почему бы не подразнить святейшего Круна, Отца-Наставника этого славного города? Кариомер – жирное местечко. Торговый город. Купчишек больше, чем крыс в монастырских подвалах. Прежний Наисвятейший менял Отцов-Наставников каждые три года. Торгашей следует держать в строгости, а привыкший к золотому дождичку Отец-Наставник – слишком ласковый пастырь.

Дорманож поравнялся с братом Опосом. Толстяк ухитрился спать даже в высоком седле, даже под дождем. Большое искусство.

Брат-Хранитель толкнул его хлыстом. Опос тут же проснулся и преданно воззрился на Дорманожа.

– Опос, что ты думаешь о купечестве?

– Вешать, – не раздумывая, ответил монах.

– А торговать кто будет?

Опос задумался. И впрямь: не святым же братьям сим постыдным делом заниматься? Воинствующий монах не торгует – он берет.

Пожалуй, Дорманож сохранит имперцу жизнь. На какое-то время. Чтобы расширить знания. Брат-Хранитель никогда не покидал Хуриды. И был не прочь выяснить, почему погрязшие в грехах северяне не спешат припасть к стопам Наисвятейшего. Разве Истина не очевидна всякому разумному человеку?

* * *

Серая кисея каплею повисла в воздухе. За ней прятался противоположный берег, по всей вероятности, тоже заболоченный и обросший щеткой черного тростника. Вымокшие парды выглядели тощими и несчастными. И всадники смотрелись немногим лучше. Поэтому, когда впереди замаячили какие-то строения, и люди, и животные воспряли духом. Лапы пардов побыстрей зашлепали по черной жиже, в которую превратилась дорога, и вскоре всадники въехали в поселок. Вдоль дороги сушились, вернее мокли, развешенные на шестах сети. Перевернутые вверх днищами лодки напоминали выброшенных на берег рыб. Чуть позже северяне проехали мимо пристани с одиноким корабликом, чья мачта напоминала обгоревшее дерево. Впрочем, в иллюминаторе кормовой надстройки желтел огонек, и благодаря ему кораблик казался в большей степени человеческим жильем, чем темные низкие хижинки вдоль дороги.

Однако у самой пристани располагалось нечто более солидное, чем ветхие домишки рыбаков: высокий часток с двустворчатыми воротами.

Не сговариваясь, северяне повернули пардов. Данил постучал в ворота, а когда никто не откликнулся, – толкнул посильнее, и створки разошлись.

Двор был пуст. По широким, словно озера, лужам барабанил дождь. Полдюжины строений: одно покрупней, вероятно – жилой дом, остальные помельче. К дому от ворот вела вымощенная булыжниками дорожка.

На сей раз дверь оказалась на запоре. На стук выглянул парень с дубиной. Узрев монашеские плащи, парень заметно струхнул, но сделал что-то вроде приглашающего жеста.

Данил прыгнул наземь.

– Парды, – сказал он.

Парень кивнул, отставил дубину и двинулся к ближайшей сараюшке. На дождь и грязь ему было наплевать: шлепал босиком прямо по лужам.

Сараяушка оказалась хлевом. Три коровы, дюжина овец. Но – тепло и сухо.

Пока северяне освобождали животных от упряжи, парень, так же молча, засыпал в кормушки толченых грибов пополам с зерном. Затем отпер большой ларь и показал на упряжь и сумки: сюда. Когда все было спрятано, запер ларь, а ключ отдал Данилу. Затем отвел северян в дом.

О, это было нечто!

Свет. Тепло. Сухость. И – запах. О, этот запах, от которого рот Руджа непроизвольно наполнился слюной. Уха. Жирная, наваристая, пряная. Как в лучших корчмах Тура Аркисского.

– Славное местечко, – пробормотал Данил. – Не ожидал.

– Эй, глянь, – кормчий кивком головы указал на стол у камина.

Данил изучил сидящую там компанию, ничего особо подозрительного не обнаружил и вопросительно посмотрел на Руджу.

– Женщины! – Кормчий поднял указательный палец.

А ведь верно! Две женщины в шелковых платьях. С перстнями на пальцах и сережками в ушах. Довольно привлекательные. Первые женщины, которых они увидели за время путешествия. Если не считать заморенных баб в деревеньках.

– Что угодно господам? – Хозяин, круглолицый, услужливый, в подпоясанной красным шарфом куртке, возник перед северянами.

Данил приподнял бровь, но смолчал. Если хозяин не пожелал видеть в них монахов (а ведь плащи их висят здесь же, на стене), значит, заподозрил подделку. И деликатно дал об этом знать.

– Ухи, – сказал Рудж. – Да побольше. Вкус у нее не хуже, чем запах?

- Лучше,– с улыбкой произнес хуридит.– Пива?
- Вина,– ответил Данил.– Светлого. И без воды.
- Вода там, снаружи,– хозяин кивнул в сторону окна.– Вино подогреть?
- Нет.

Хозяин не солгал. Уха оказалась чудесной, а вино – настоящим тайским. Если закрыть глаза – можно представить, что они – дома.

Огонь весело потрескивал. Одна из женщин запела, и голос у нее был приятный.

Данил, сытый и благодушный, оглядывал народ в трапезной. Своеобразный народ. Четверо мужчин, те, что с женщинами, неплохо одетые и порядочно выпившие. Еще трое, за другим столом,– играющие в кости. Эти одеты похуже, но зато при оружии. Занятно.

Руджа волновали другие вещи.

– Почему бы нам не познакомиться с этой певуньей? – изрек он.– И с ее подружкой?

– Они не одни,– сухо ответил Данил.

– Но мы – лучше.

– Не увлекайся вином,– посоветовал светлорожденный.

– А разве я не прав?

– Разумнее – потерпеть до Конга.

– Но мы были в плавании почти месяц! – воскликнул кормчий.– Такое долгое воздержание вредно для здоровья и неуютно богам!

– А оказаться подвешенным за ноги – полезно для здоровья? – спросил Данил.

– Друг мой! Я предпочитаю менее изысканные позы.– И, повысив голос: – Готов поспорить на золотой – дамы не откажутся пересесть за наш стол!

– Рудж,– попросил светлорожденный.– Давай отложим, а?

– Я только спрошу! – Кормчий поднялся.

И тут же рядом с ним возник хозяин.

– Если достойные господа пожелают божественной пыльцы, то им довольно только сказать.

– Пыльцы? – заинтересовался Рудж.

– Господа не желают,– отрезал Данил.– А скажи мне, дружок, кто эти люди?

Троица, игравшая в кости, совершенно внаглую разглядывала северян.

– Эти? – Хуридит мельком взглянул в указанном направлении.– Моряки, как и вы, почтенные.

– А с чего ты взял, что мы – моряки?

Хозяин указал на золотую серьгу кормчего.

Так, один вопрос снят.

– Еще вина?

– Да,– согласился Данил, чтобы отправить хозяина.

– О какой пыльце он говорил? – спросил Рудж.

– Наркота,– на морском жаргоне ответил светлорожденный.– Сядь. Перестань глазеть на женщин, а обрати внимание на игроков в кости.

Кормчий выполнил оба указания.

– Рожи мерзкие,– заявил он.– Особенно у того верзилы. Если это моряки, то сдается мне, паруса у них – красные.

Сказано было довольно громко.

Верзила, о котором шла речь, встряхнул зажатými в кулаке костями, затем в упор поглядел на Руджу. Кормчий ответил таким же вызывающим взглядом.

Кулак разжался, кости покатались по столу, и другой игрок накрыл их ладонью. Верзила встал. Неторопливо снял верхнюю куртку. Под ней обнаружился панцирь из крупных плоских колец.

Рудж тоже поднялся. Оба поняли друг друга без слов.

Хуридит шагнул в сторону и взял прислоненную к стене пику.

Рудж вынул меч. Он не слишком беспокоился. Пика хороша в тесном строю, полагал он. В поединке меч куда предпочтительней. Он даже позволил себе усмехнуться...

И еще усмехался, когда хуридит, широко размахнувшись, метнул в него пику.

Рудж дернулся, уходя в сторону и одновременно попытавшись отразить пику клинком. Оба движения оказались не слишком удачными. Меч лишь чиркнул по древку, а наконечник угодил прямо в грудь кормчего. Руджа отбросило назад (меч он выронил), спиной на стол, за которым он только что сидел. Кормчий тупо уставился на собственную грудь. Ощущение такое, будто его пропороло насквозь.

Однако панцирь выдержал. Рудж бросил взгляд на верзилу: тот тоже был обескуражен. Наконечник пики выгнулся под прямым углом к древку. Доброе в Хуриде железо, однако. Впрочем, не будь на моряке многослойной паутинной куртки и хорошей кольчуги – грудная клетка его хрустнула бы, как раковина под башмаком. Хотя, если судить по ощущениям, не стоило утверждать, что все ребра уцелели.

Хуридит опомнился первым. Прыгнув вперед, он схватил погнутое оружие и замахнулся, словно секирой.

Рудж бросил отчаянный взгляд на светлорожденного, но тот сидел с невозмутимым видом.

Все, что мог кормчий, – скатиться со стола на пол и взвыть, когда падение взорвалось болью в груди.

Согнутый наконечник с хрустом воткнулся в столешницу и застрял. Хуридит, рыча от ярости, рванул пику на себя... и наконечник отломился. В руках у верзилы теперь оказалась простая дубина. Правда, с железным обручем на одном из концов. С устрашающим воплем хуридит устремился к Руджу. Тот крысой юркнул под соседний стол. Хуридит, наклонившись, попытался достать его палкой, но стол был длинный, а Рудж вынырнул из-под противоположного конца. Верзила бросился в обход, и кормчий повторил свой замечательный маневр. Рудж не думал о том, достойно ли себя ведет, он просто хотел уцелеть.

Верзила еще раз обогнул стол, а кормчий проделал тот же путь, но на четвереньках.

Хуридит выругался. Рудж промолчал. Ему было больно говорить.

«Что же Данил? – с возмущением подумал он. – Меня же убьют!»

– Вылезай, вонючая крыса! – потребовал хуридит.

«Сейчас тебе!» – подумал Рудж. И тут увидел свой меч, преспокойно лежащий у ножки соседнего стола.

Рывок – в глазах потемнело от боли, нырок под соседний стол – верзила рванулся следом... и захрипел, закашлялся, выдохнув красные брызги.

Добрый клинок, как и рассчитывал Рудж, продырявил хуридскую кольчугу.

Кормчий выбрался из-под стола, а его противник простоял еще мгновение, а затем с грохотом рухнул на пол. Рудж с трудом переводил дыхание.

Двое приятелей громилы вскочили. Но рядом с кормчим уже стоял Данил.

– Теперь я, – сказал он. – Ты не возражаешь?

У Руджа осталось сил как раз на то, чтобы один раз кивнуть.

Вагарский клинок светлорожденного вылетел из ножен и закружился в «двойном веере».

Боевой пыл его противников угас в считанные мгновения. Двое игроков попятились, а потом опрометью бросились к выходу, сбив с ног парня, встретившего северян во дворе. Одна из женщин, та что пела, оглушительно свистнула. Похоже, немногочисленной публике представление пришлось по душе.

Хозяин заведения осторожно прикоснулся к светлорожденному.

– Господа моряки не заплатили, – заметил он.

Определенно, этот человек нравился Данилу.

– Возьми у того, кто не сбежал, – великодушно сказал светлорожденный.

– Ну уж нет! – возмутился Рудж. – Сначала это сделаю я!

И проворно обшарил убитого.

Хозяин с невозмутимым видом принес кувшин вина и поставил перед Данилом.

– Почему ты не вмешался? – спросил кормчий своего друга, раскладывая столбиками монеты: убитый оказался далеко не бедным.

– Я? – с искренним удивлением произнес светлорожденный. – Но ведь это твой поединок. Разве я мог тебя оскорбить вмешательством?

– В следующий раз, мой благородный друг, если увидишь, что меня намереваются прикончить, не стесняйся, прошу тебя! Вмешивайся! – Ирония кормчего ускользнула от Данила: он слишком серьезно относился к таким вещам.

– А если кто-нибудь вознамерится убить тебя, – продолжал моряк, – позволь и мне оказать тебе помощь. Мне будет грустно одному в этой поганой стране.

– Не думаю, что в Хуриде найдется кто-то, способный победить Данила Руса, – без всякого самодовольства отозвался светлорожденный. – Но о твоей просьбе я не забуду.

В одном из кошельков убитого обнаружили драгоценности. Явно женские и, судя по качеству и размерам, принадлежавшие нескольким женщинам.

– Сдается мне, я догадываюсь, чем промышлял этот парень, – проворчал Рудж. – Эй, хозяин, трех серебряных хватит?

– Шесть, – невозмутимо ответил тот. – Мне придется заплатить налог на убийство.

Держался он так, словно покойники – обычный десерт к его кушаньям.

Данил выдернул из стола отломанный наконечник, хмыкнул пренебрежительно.

– Хвала кузнецу, который его ковал, – сказал Рудж.

– Выгребные ямы чистить такому кузнецу! Победу должна приносить крепость рук.

– Мой благородный друг, будь на нем моя кольчуга, а у меня – его пика, ты выехал бы завтра в одиночестве. У меня и так синяк размером с хорошее блюдо.

– Да, ты прав, – лицо светлорожденного стало озабоченным. – Надо тебя осмотреть.

– Чепуха! Заживет. Кости, вроде, целы.

– Вот это и следует проверить.

Ребра кормчего действительно оказались целыми. На ушиб же Данил положил успокаивающую мазь. Так что Рудж, оказавшись в постели, не ворочался от боли. А сразу уснул.

Однако выспаться ему не удалось.

Незадолго до рассвета кто-то осторожно постучал в дверь. Хозяин.

– Хочу рекомендовать господам покинуть мой дом как можно быстрее и как можно тише.

– Неприятности из-за того убитого? – Данил положил меч и принялся натягивать сапоги.

– Нет. Прибыли солдаты Братства. С ними – особый гонец Наисвятейшего. Ищут двух безбожников-имперцев.

– И что же? – Данил взял меч, выполнил несколько движений.

– Откуда возьмутся имперцы в центре Хуриды? – Хозяин тонко усмехнулся. – Но мне показалось, вы торопитесь?

– Да, – кивнул Данил. – Мы действительно торопимся.

– Тогда собирайтесь. Я пришлю своего племянника, чтоб проводил вас. Он не станет приставать к вам с расспросами. Монахи отрезали ему язык.

Данил пристально посмотрел на хозяина. Кажется, он начал понимать этого человека.

IV

Дождь кончился. Но на пучках темно-красных хвоинок поблескивала вода, и стоило Руджу задеть низкую ветку, как его тут же осыпало брызгами. Но земля в лесу была суше, чем на дороге.

– Если все пойдет гладко, через десять дней будем уже в горах, – сказал Данил. – Жаль, что мы так мало узнали об этой стране.

– А мне вот нисколько не жаль, – отозвался Рудж. – Глаза б мои ее не видели. Но если хочешь расширить свой кругозор – поймай какого-нибудь монаха и прищепи ему яйца.

– А это мысль! – Данил поравнялся с кормчим и хлопнул его по спине.

Рудж поморщился: ребра еще побаливали.

– Ближе к вечеру выберемся на дорогу, – решил Данил. – Глядишь, и подвернется подходящий «язык».

– Вижу, тебе хочется подраться, – заметил моряк.

– Не без того. А ты можешь предложить другие развлечения? – усмехнулся светлорожденный.

Некоторое время ехали молча, потом Рудж спросил:

– Ты не знаешь, как это началось?

– Что?

– Хурида. Это самое «Святое Братство».

Данил удивленно взглянул на кормчего:

– А ты не знаешь? Нам в школе год вбивали в голову «Отпадение провинций».

– Мы учились в разных школах, светлорожденный Данил Рус! – сказал Рудж и засмеялся.

– О да! Карты ветров повеселей, чем «Основы налогообложения»! – Данил тоже рассмеялся.

– Это точно. И все-таки – как оно вышло, с Хуридой?

– С начала?

– Ну конечно! Я же простой мореход, не забыл?

– И усы у тебя рыжие, – усмехнулся светлорожденный. – Ладно, внимай, невежда.

Жил в Воркаре чародей по имени Туск. Мелкий чародей, даже не маг, обычный колдун. «Приворожу, погадаю, излечу от дурного глаза». В любом порту таких – на медяк мешок. Но некоторые – попроворней. И вот в году шестьсот шестьдесят девятом от воцарения Вэрда объявляет себя наш Туск пророком «Истинной веры», создает Братство Святых Послушников и провозглашает, что не позднее зимнего солнцестояния для всех инаковерующих наступят скверные времена.

Ничего нового в этом не было. «Пророков» таких тоже хватало во все века. И приверженцев новой веры нашлось не больше десятка. Но... – Данил сделал многозначительную паузу. – Но не прошло и месяца – умер император Хартдар, Хёстав-Братоубийца зарезал наследника Глорда, и началась Смута!

– Ну точно! – воскликнул Рудж. – То-то мне год показался знакомым!

– Я продолжу? – спросил Данил, пряча улыбку.

– Извини.

– Итак, началась Смута. И очень многие жители провинций отправились на север – защищать справедливость или, наоборот, поддержать Хёстава: все же тот был законным сыном императора. И среди этих многих оказались все хуридские маги, как Алчушие, так и Братья Света. Однако ж еще больше хуридиков никуда не поехали. Зато вспомнили, что некий Туск пророчил нехорошие времена. Спустя полгода, когда в Хольде и Аркисе земля порыжела от крови, этот самый Туск, Первый «Наисвятейший», провозгласил Хуриду Землей Истинной

Веры, воинов Хуриды, тех, кто примкнул к его учению,— воителями-монахами во славу Величайшего. И объявил, что им принадлежит всё в Хуриде — золото, земли, женщины; а он, Наисвятейший, велит им наслаждаться жизнью и дарами ее. Но прежде — очистить Землю Истинной Веры от неверующих.

И очистили,— заключил Данил.— Уже пятый век идет, как очистили...

Часа в четыре пополудни выехали на тракт. До самой темноты никто не попался навстречу. Лишь на закате северяне нагнали караван из двух дюжин повозок.

Погонщики, завидев коричневые плащи, торопливо съезжали к обочине.

Колеса нагруженных возов утопали в грязи, но могучие горбатые вола тянули их вперед, хоть и не быстро, но без видимого напряжения.

Северяне поравнялись с головой каравана. Впереди вышагивал коренастый хуридит в кожаной шапке. Под курткой коренастого наметанный глаз Данила тут же определил кольчугу. Хуридит шел пешком, хотя пард, которого вели в поводу, принадлежал, вне всякого сомнения, именно ему.

— Приветствие,— старательно копируя здешний выговор, произнес Рудж.— Далеко ли до города, человек?

Хуридит остановился, задрал голову, пытаясь разглядеть кормчего. Но сумерки и тень заброшенного капюшона препятствовали этому.

Четверо парней спрыгнули с первой телеги и подошли поближе. Настоящего оружия у них не было — только дубины. Но выглядели ребята решительно.

— Хвала Величайшему,— отозвался купец.— До города, говоришь? Да миль пять осталось. И знаком отправил парней обратно на телегу.

— Ну-ка, Бурс, подсади меня,— приказал он слуге.

Тот подставил сложенные руки, и купец вскарабкался в седло.

Данил тотчас поравнялся с ним и пристроился слева. Нельзя сказать, что хуридиту это понравилось.

— Хорошо, дождь кончился,— проговорил кормчий, чтобы завязать разговор.

— Да, хорошо, хвала Величайшему,— на лице купца появилось озадаченное выражение.

— А что, святые отцы направляются в Кариомер или дальше? — спросил хуридит.

— Дальше.

— А позволено мне спросить, из какого обиталища едут слуги Наисвятейшего?

— Из Воркарского,— буркнул Данил.

Он чуял: купец ведет себя не так, как следует. Почему?

— Из Воркарского? — Хуридит издал короткий смешок.— Должно быть, святой отец запомнил: в Воркаре нет обиталища, ибо тамошних своих слуг Наисвятейший держит при дворце.

— Мой брат оговорился,— вмешался Рудж.— Мы выехали из Воркара!

— Да, да, я понимаю,— купец заставил парда двигаться быстрее, а когда три всадника обогнали караван на полсотни шагов, негромко сказал по-хольски: — Ни один воинствующий монах не опустится до того, чтобы отвечать торговцу.

— Честь твоей проницательности,— проговорил Данил.— Да, мы с севера.

— Невелика честь,— хмыкнул хуридит.— Приметы мне зачитывали уже на трех заставах. Наисвятейший желает с вами пообщаться.

— И во сколько оценили наши головы? — поинтересовался Рудж.

— Что? Оценили? — Купец расхохотался.— Я бывал в Империи,— сказал он чуть позже.— И в Благословенном Конге тоже бывал. И кое-что знаю о Мире. Но вы, достойные, ничего не знаете о Хуриде. У нас не назначают наград за поимку преступников. Радость Наисвятейшего

– вполне достойная награда для его рабов. Зато у нас есть награда для тех, кто не помогает поискам Братства.

– И какая же?

– Есть много способов отправить человека в Нижний мир,– усмехнулся купец.

– И ты не боишься?

– Боюсь,– кивнул хуридит.– Но того, что ночь – на носу, а до города еще часа два пути, я боюсь побольше, чем кары за общение с вами.

– Так серьезно? – спросил кормчий.

– Мой отец был убит разбойниками в полумиле от городских ворот. Моего деда убили монахи как раз на этой дороге, только тремя милями ближе к Кариомеру. Говорят, убили по ошибке. Вот только при покойнике почему-то не оказалось ни гроша. Вы, достойные, не представляете, каково это – быть купцом в Хуриде.

– А пиратом? – подколот Рудж.

Хуридит хмыкнул:

– Моего прадеда поджарили омбамту,– сообщил он.– А вот второй прадед ходил под красными парусами и был поджарен конгайским сторожевиком. И все же поверьте мне: пирату и честному мореходу куда безопаснее, чем купцу на этой славной дороге. Я богат, достойные, но только потому, что моя подружка Смерть трижды в день целует меня в затылок. Да, я боюсь. Но разве это оправдание для того, чтобы отступить?

– У тебя сердце воина,– одобрительно произнес светлорожденный.– Как твое имя?

– Отец назвал меня Гривуш. В честь моего деда.

– Данил Рус.

– О! Неужели из тех самых Русов?

– Из тех.

– Большая честь! – Купец стянул шапку, мотнул головой, что, вероятно, обозначало поклон, и вернул головной убор на место.– А спутник твой, благородный Данил, также из светлорожденных?

– Увы! – вздохнул кормчий.– Во мне ни капли серебряной крови. Но имя у меня есть. Отец назвал меня Рудж. В честь одного городишки в Гураме, где они с приятелями неплохо повеселились.

Гривуш рассмеялся.

– Я рад вам,– сказал он.– И особенно вашим мечам.

– У тебя есть основания для особого беспокойства? – спросил Данил.

– У меня хороший товар. И всего шестеро охранников. Больше нанять не удалось, и это тоже дурной признак. Тем более мы задержались из-за раскисшей дороги.

– Если бы я был разбойником,– сказал светлорожденный,– я устроил бы засаду перед самым городом.

– Почему? – спросил Рудж.

– Чем ближе к дому, тем человек беспечней.

– Верно,– согласился Гривуш.– Моего отца убили...

– Ты уже говорил,– перебил кормчий.– Может, нам лучше переждать где-нибудь в лесу?

– Зачем? – удивился Данил.– Если почтенный Гривуш прав и его ждут, нас-то они не ждут. Верно?

– Уверю тебя, этим ургам без разницы, что твоя благородная кровь, что моя! – заявил хуридит.

– Разница есть,– спокойно произнес Данил.– И они ее заметят, можешь не сомневаться. А сейчас с твоего позволения я поеду вперед. Телеги слишком шумят.

Данил пустил парда рысью и исчез в темноте.

– Не думай, Рудж, что мы так уж беззащитны,– сказал купец.– У меня припрятано несколько луков. И топоры, которыми мои парни рубят дрова, на оч-чень длинных топорищах.

Рудж промолчал. Ему совсем не хотелось рисковать жизнью, защищая товары почтенного Гривуша.

– Если все обойдется,– продолжал тем временем хуридит.– Я укрою вас в своем доме. Вкусная еда, чистая постель, большая ванна с горячей водой!

– Ты не шутишь? – заинтересовался Рудж.– В а н– н а? Твой дом здесь, в Хуриде?

– А ты полагаешь, что на хуридское золото нельзя купить тайский шелк? – ухмыльнулся купец.

Темный силуэт всадника словно материализовался из мрака.

– Это я,– раздался голос светлорожденного.– Ты прав, почтенный, засада.

– Много? – обеспокоенно спросил купец.

– Не знаю. Слышал, как они возятся на деревьях.

– На деревьях?

– Совсем не глупый ход. Склонен думать, у них арбалеты. Бросят на дорогу пару факелов – и цели как на ладони.

– И что же делать? – спросил Гривуш, «передав командование» светлорожденному.– У меня арбалетов нет. Только три лука.

– Лук – еще лучше,– отозвался Данил.

– Это почему? – удивился Рудж.

– Потому что пока ты один раз нажмешь на спусковой крючок арбалета, я выпущу из лука самое меньшее три стрелы. Доставай-ка свои луки, почтенный. И предупреди своих.

– Может, остановимся?

– Не стоит. Вдруг эти охотники отрядили наблюдателя.

Оглядев предложенный лук, Данил только хмыкнул:

– Почему бы вам не сделать его еще короче, размером с рогатку?

– Мне жаль, благородный Данил, но в Хуриде оружие разрешено только солдатам Святого Братства. Большой лук труднее спрятать. Этот не годится?

– Сойдет,– Данил пристегнул к поясу колчан.– Двигайтесь как обычно,– распорядился он.

– А ты? – спросил Рудж.

– А я пойду поохочусь.

– Один? – удивился Гривуш.– Их же там наверняка не меньше дюжины.

– Больше,– сказал светлорожденный.– Я начну, когда вы окажетесь поблизости. Рудж, позаботься о моем парде.

Данил спрыгнул на землю и растворился в темноте.

– Бесстрашный человек,– Гривуш покачал головой.– Пойду предупрежу парней.

Караван перестроился. Теперь возы ехали в два ряда, ширина дороги позволяла, а люди – посередине. На возах лежали пропитанные маслом факелы.

Перед Руджем шел парень с длинной дубиной. Он отчаянно потел, судя по запаху. Позади – Гривуш. Кормчий держал меч наготове. От лука он отказался – не стрелок, тем более в темноте. Небо заплывало тучами: ни звезд, ни луны. Собственной руки не разглядеть. Копыта волов с хлюпаньем месили грязь, поскрипывали колеса. Лес молчал.

Короткий вскрик, хруст ломающихся веток – и глухой удар о землю.

Данил угадал точно: караван почти поравнялся с засадой. Предупрежденные возницы остановили волов. На какое-то время – напряженная тишина. Затем щелчок тетивы (даже Рудж услышал), и еще один «плод» свалился на землю.

И началось.

Лес ожил. Сообразив, что происходит нечто незапланированное, разбойники посыпались со своих насестов. Кто-то захлебнулся предсмертным воплем, кто-то завопил просто так. В

чаще вспыхнули и заметались огни. Чей-то голос, надсаживаясь, призывал: «Ко мне!» Кто-то у самой дороги истошно заорал: «Вот он! Вот он!» И, надо полагать, не ошибся, потому что тут же забулькал, захлебываясь кровью.

О караване словно забыли. За спиной Руджа высекли искру. Вспыхнул факел и, посланный сильной рукой, разбрасывая искры, взлетел вверх и застрял в ветвях, осветив кусок леса справа от дороги. Тут же прямо на телегу рядом с Руджем спрыгнул здоровенный мужик с копьем и нацелился проделать в северянине совершенно не нужную дырку. Кормчий не стал его отговаривать, а попросту полоснул хуридита по ногам, когда же тот свалился с телеги – добил, проколов горло.

Тем временем еще один разбойник напал на потеющего парня. Тот взмахнул дубиной, разбойник поднырнул, и, спасаясь от его меча, парень вспрыгнул на телегу. Нападавший едва не повторил трюк, который только что проделал Рудж, но кормчий испортил ему удовольствие, рубанув по руке. Потеющий парень закончил дело, размозжив разбойнику физиономию. Рядом, шумно выдохнув, опустил топор Гривуш. Брызги крови испачкали щеку кормчего. Еще один факел взлетел вверх, но не удержался в ветвях, упал в придорожный кустарник. Оттуда выскочил разбойник с изготовленным арбалетом, поскользнулся в грязи, плюхнулся на задницу. Один из охранников Гривуша бросился вперед и разбил арбалетчику голову. А мигом позже сам упал со стрелой в шее.

Кусты вспыхнули. Сразу стало очень светло. Гривуш отложил топор и взялся за лук. Рудж и потеющий парень, вооружившись мечом убитого разбойника, присев за телегами, вглядывались в чащу...

Но вместо разбойников между деревьями показался Данил, волочащий безжизненное тело.

– Знакомая одежда? – спросил он, прислонив труп к тележному колесу.

Убитый был монахом. И не из последних, судя по качеству доспехов. Впрочем, доспехи не помогли – стрела вошла в глаз.

– Можешь предъявить счет Святому Братству, купец, – сказал Данил.

– Шутишь? У меня слишком плотное телосложение, чтобы висеть вниз головой. За убийство монаха мы все отправимся на виселицу.

– Но разве он не пытался тебя ограбить?

– Это Хурида, мой господин. В Хуриде все принадлежит Наисвятейшему. А значит, любой монах может взять все, что пожелает. Как свою собственность.

– Интересные законы!

– Забери его пояс, а мои люди снимут доспехи. Остальным займутся крысы. Надеюсь, они не побрезгуют сородичем.

– Как мне хочется прогуляться по вашей славной стране со стальной щеткой, – проворчал Данил. – Рудж, не сочти за труд, обыщи его. А я помогу этому парню.

Один из людей Гривуша безуспешно пытался выдернуть застрявшую в плече стрелу.

У Данила эта операция заняла чуть больше минуты. И еще пара минут потребовалась, чтобы промыть рану вином и перевязать. Чувствовался большой опыт.

– Ты прямо лекарь, – одобрительно проговорил Гривуш.

Один из его людей погиб, двое были легко ранены. Дешево отделались, одним словом. И купец знал, кого за это благодарить.

Рудж при свете факела разглядывал бумагу, извлеченную из-за пазухи убитого монаха.

– Гривуш, – позвал он. – Ознакомься.

– «Податель сего взывает средства для нужд Наисвятейшего», – прочел вслух купец. – Погляди, у него еще должен быть перстень...

– Точно!

Кормчий стянул с указательного пальца убитого золотой перстень. На печатке его были выгравированы пятиконечный крест, чаша и корона.

– Взыматель Наисвятейшего, – Гривуш покачал головой.

– Что с этим делать?

– Я бы его выкинул. Но... В определенных обстоятельствах такая вещь может оказаться полезной.

– То есть, если я суну его в нос какому-нибудь монаху, тот слижет пыль с моих сапог? – спросил Рудж.

– Что-то вроде этого. Если не распознает в тебе самозванца.

– Дай-ка его сюда, – Данил отобрал перстень и надел на палец. – Что еще нашел?

– Вот, – Рудж встряхнул кошель. – Для Наисвятейшего маловато, а нам хватит.

Возницы, попрятавшиеся под телеги в начале схватки, вылезли, соскребли с себя грязь и вместе с охранниками, раздев убитых, оттащили подальше в лес. Так же поступили и с монахом. В голом виде Отец – Взыматель ничем не отличался от простого земледельца. Разве что поупитанней.

– Ты спас мою старую шкуру, благородный Данил, – сказал купец. – Все мое – твое.

Всего лишь формула благодарности, но светлорожденный почувствовал себя польщенным.

– Я думаю, нам не стоит въезжать в город, – сказал он. – Раз мы в розыске.

– Оставь! Содержимое моих телег волнует стражу куда больше, чем пара фальшивых охранников. А уж пара настоящих золотых монет совершит настоящее чудо. Вот увидишь!

Так и вышло.

V

Данил распахнул окно... и тут же закрыл его. Окно выходило на перекресток. В центр перекрестка был вкопан столб с перекладиной. А на перекладине – подвешенный за ноги труп. И вонял он, как положено трупу. Под столбом маялся стражник. От нечего делать он гонял копьём голодных ургов. Падальщики возмущенно орали, распахивая зубастые пасти. Звуки под стать запаху.

Если не считать вида из окна, дом у купца Гривуша оказался вполне приличным. Даже по имперским меркам. Вчера, когда перед северянами распахнулась окованная железом дверь, Данил получил возможность убедиться: тайский шелк действительно можно купить на хуридское золото. Именно этим расписным шелком были задрапированы стены гостиной. После серых и черных красок Хуриды – настоящий праздник для глаз. Однако светлорожденный не мог не оценить и оборонительных достоинств дома. Двери вели в узкую прихожую, каковая заканчивалась крутой лестницей. Лестницу в случае нападения могли бы удерживать два-три человека. А окно, которое только что закрыл Данил, было забрано изящной, но достаточно прочной решеткой. Как и все окна в доме. Маленькая крепость. Не хватало только колодца в подполе. Впрочем, почему бы не быть и колодцу?

Стук в дверь.

– Хозяин приглашает господина к завтраку!

– Иду, – отозвался светлорожденный.

Облицованные мрамором колонны, гурамские ковры на стенах, алебастровые светильники.

«Ничуть не хуже, чем в нашем гладианском доме», – подумал Данил.

Рудж уже был здесь. И Гривуш.

– Доброе утро, благородный Данил. Как спалось?

– Превосходно.

Легкие шаги за спиной. Данил обернулся...

В нескольких шагах от него стояла девушка.

Бежевое длинное платье с глубоким вырезом, полностью открывающим плечи. Серебряный кольчатый пояс обнимает талию. На плечах – накидка из нежной тайской шерсти, серая, с узором из черных жемчужин поверху, а с внутренней стороны подложенная алым шелком. Волосы собраны кольцом на затылке и черной волной струятся до пояса, посверкивая вплетенными серебряными нитями. Сережки в мочках маленьких ушек, пятиконечный крест, выложенный бриллиантами, – чуть ниже ключиц. Матовая кожа, черные, ясные, доверчивые глаза...

– Моя дочь Ниминоа!

– Данил Рус!

– Рудж!

Маленькие ножки в замшевых туфельках бесшумно ступали по ковру. Девушка опустилась на стул, поправила кружевную оторочку рукавов, чья белизна подчеркивала смуглость узких кистей.

Северяне обменялись восхищенными взглядами.

– Прошу к столу, господа!

– Клянусь устами Богини, в ней кровь Конга, – прошептал Рудж.

– Ты прав, достойный, – Гривуш услышал сказанное кормчим. – Ее мать была рождена в благословенном Конге. Она ушла в Нижний мир семь лет назад, во время поветрия.

– Да будет милостива к ней Кала, – разом отозвались оба северянина.

Гости заняли места за столом. Рудж – рядом с Ниминоа, Данилу же Гривуш предложил почетное место во главе стола, а сам сел по правую руку светлорожденного.

Слуги внесли кушанья.

– Распечатай, благородный Данил! – Гривуш протянул светлорожденному обтертую от пыли бутылъ.

«996», было выдавлено на белой смоле, которой залили горлышко. 996 год по воцарении Вэрда Смелого. Сорок семь лет печати и тому, что под ней.

– Черное орзлейское, – сказал Гривуш. – Надеюсь, тебе понравится. Это лучшее, что у меня есть.

– Никогда не думал, что столь чудесный цветок способен вырасти под здешним мертвым небом, – произнес Рудж, наклонясь к Ниминоа.

– Достойный хочет сказать, что я красива? – Легкая улыбка тронула губы девушки.

– О нет! – Рудж покачал головой. – Я хочу сказать, что ты прекрасна!

– Неужели лучше, чем девушки севера?

– Тебе нет равных! Эти пальчики, – кормчий коснулся руки Ниминоа, – могли бы принадлежать богине. А твои глаза глубже морских глубин!

– У тебя изысканный слог, достойный Рудж, – рассеянно ответила девушка и посмотрела на Данила.

Но светлорожденный не заметил ее взгляда, он разговаривал с Гривушем.

Ниминоа не догадывалась, что говорят о ней.

– Как тебе удалось сохранить подобное чудо? – спросил Данил.

– Чудом. Особенно когда я разорвался. К счастью, в последний раз это случилось шесть лет назад, и по закону Ними считалась слишком юной для гаремов Братства. Вряд ли это спасло бы ее, но у меня остались друзья, заплатившие отступное Отцу-Наставнику. А Отец-Наставник Крун, по счастью, любит золото больше, чем девочек.

– Счастье, что у тебя есть друзья, – отозвался Данил.

– О да. Мы, хуридские купцы, держимся друг за друга. Иначе не уцелеть. Братство забирает половину дохода, Наисвятейший – пятую часть, а «черные повязки» – треть оставшегося. Но, к счастью, вместо двухсот золотых в казну Братства я могу ограничиться двадцатью, если еще двадцать отдам лично Отцу-Наставнику.

– Ты упомянул «черных повязок», кто это? Городские бандиты?

– Можно сказать и так. Я плачу им, а они не грабят мои лавки. И следят, чтобы не ограбили другие.

– Но есть же стража!

– Стража? – Купец засмеялся. – Страже на меня наплевать, а святые братья, как ты мог убедиться, отлично ладят с разбойниками. Если кто и делает что-то за мои деньги, то это «черные повязки». Да еще люди, которых нанимаю я сам.

– А ты не думал, почтенный, что в Империи тебе легче было бы заниматься делами?

– Думал, – кивнул купец. – Более того, у меня немалые паи в ваших компаниях. Но, понимаешь, благородный Данил... я привык к моей стране. Здесь скверно, страшно... но один золотой может через месяц принести три. Разве так бывает у вас, на севере? Хотя, может, года через три, если буду жив, я и переберусь к вам. Из-за моей девочки.

Собеседники посмотрели на Ниминоа. Рудж что-то сказал, девушка рассмеялась.

– Она красива и обучена хорошим манерам, – сказал Гривуш. – Твой друг не женат? Данил покачал головой.

– Может, он возьмет ее замуж? Я дал бы очень хорошее приданое.

– Такой девушке не нужно золото, чтобы выйти замуж!

Гривуш, удивленный горячностью гостя, внимательно посмотрел тому в глаза. Но Данил уже взял себя в руки и ответил вежливой улыбкой.

– Я понимаю, что для человека твоего круга она – неподходящая партия, с приданным или без него. Но Рудж – человек не столь благородной крови. А то что он – твой друг, говорит о его высоких достоинствах, не так ли? Этот брак выгоден для обоих.

– Поэтому ты привел нас в свой дом?

– Не только,– купец усмехнулся.– Я твой вечный должник. Скажи – и этот дом будет принадлежать тебе.

– Ты полагаешь, мне нужен дом в Хуриде? – засмеялся Данил.– Но как бы то ни было, принимая нас, ты здорово рискуешь.

– Как всегда,– спокойно ответил купец.

Данил еще раз посмотрел на кормчего и девушку, красивых, веселых... легких!

– Достойный Рудж слишком налегает на орэлейское,– с усмешкой произнес Гривуш.

Кормчий, угадав, что говорят о нем, повернулся, помахал рукой... и смахнул на пол алебастровый светильник!

Белый шар разлетелся вдребезги, масло разлилось по ковру и вспыхнуло. Рудж оцепенело уставился на огонь. Зато Данил отреагировал с обычной стремительностью. Сорвал со стены ковер и набросил на взметнувшееся пламя. Жаль, конечно, гурамскую роскошь, но пожар страшнее. Удивительно, но померещилось светлорожденному, будто бы пламя угасло чуть раньше, чем он накрыл его. Вот что значит старое вино.

– Хвала богам, обошлось,– произнес он.

Гривуш, бледный как бумага, только шевельнул губами. Испугался, бедняга: пожар был почти неминуем.

А вот Ниминоа... Она тоже испугалась... Но как-то иначе. Светлорожденный заглянул в ее глаза – и увидел тайну. Словно ниточка протянулась между Данилом и девушкой...

– Великая богиня! – прохрипел кормчий.– Я уж думал... как наш «Баловень»!

Ниминоа погладила его по руке. Ласково. А взгляд – к Данилу. «Ты догадался?»

О чем?

* * *

Дорманож прибыл в Кариомер в полдень следующего дня. Он не сумел бы добраться так быстро, если бы не позаимствовал двенадцать дюжин пардов в Мирсорском монастыре. Нельзя сказать, что там этому обрадовались.

Нельзя сказать, что Дорманожу обрадовались и в Кариомере.

Отец-Наставник, разумеется, при встрече выразил полное удовольствие. На словах. Выражение же толстой его физиономии было довольно кислым. Дорманожа Крун помнил еще по столице и хорошего не ждал. Очень вероятно, Наисвятейший прислал грозного Брата проверить донос на него, Круна. Увы, Отцу-Наставнику было что скрывать от Наисвятейшего.

Дорманож не отказал себе в удовольствии – помучить толстяка неизвестностью. Но пересаливать не стал, за торжественной трапезой поведаль, за кем приехал.

От рассказа Брата-Хранителя Круну легче не стало. Два шпиона-имперца проникли в город... Такое может стоить не только места, но и кожи. Дорманож слегка успокоил: шпионы путешествуют в облачении воинствующих монахов. Посему городской страже и в голову не могло прийти их задержать. Однако же вызвать и допросить стражу нетрудно.

– Мы их найдем! – заявил Крун.

«Мы» подразумевало Брата-Хранителя Кариомера Треоса.

– Найдем, не сомневайся, брат Дорманож! – столь же уверенно заявил Треос, рассчитывая не столько на своих солдат, сколько на помощь «черных повязок».

– Найти их – ваш долг! – сказал Дорманож.

Он-то знал наверняка – имперцам не спрятаться. Чародей обнаружит их и сообщит Дорманожу.

– Не желает ли праведный брат отдохнуть с дороги? – осведомился Крун. – Насладиться женскими ласками? У нас есть несколько совсем молоденьких, еще не имевших святого потомства.

Крун помнил вкусы Дорманожа.

– Потомство угодно Величайшему, – степенно ответил Дорманож.

Большой недостаток Риганского обиталища – отсутствие на его землях больших городов. В маленьких же трудно отыскать по-настоящему красивых девочек.

* * *

Рудж позволил себе вздремнуть пару часов после обеда. Проснулся он в прекрасном настроении. Некоторое время еще понежился под шелковым одеялом, глядя в потолок, расписанный голубым и белым. Как небо в Орэлее. Живое, теплое, ничуть не похожее на мертвое небо Хуриды.

Нежный запах цветущих тайских роз наполнял комнату: в кадке у изголовья – целый куст, усыпанный темно-синими бархатными цветами. Рудж погладил лепестки, понюхал пальцы. Пыльца пристала к коже, и рука теперь пахла весенним тайдуанским утром.

«Ниминоа», – подумал кормчий и улыбнулся.

Данил передал ему слова Гривуша, и Рудж, вопреки обыкновению, отнесся к предложению серьезно. Дочь купца зацепила его всерьез.

«Матери она понравится», – подумал кормчий.

Разумеется, он не возьмет девушку с собой. Слишком опасно. Гривуш найдет способ вывезти ее из Хуриды. Месяц-другой – и они встретятся. Что ж, это во всех отношениях отличная партия. Может быть, приданого и собственных денег Руджа хватит, чтобы купить судно...

Кормчий сбросил одеяло и спрыгнул с ложа на ковер. Он чувствовал себя молодым и сильным.

Ниминоа...

* * *

Маг явился к Брату-Хранителю в четыре часа пополудни. Как всегда не вовремя. Притомившийся от угодных Величайшему забав Дорманож собирался вздремнуть. Маг возник за спиной, еще более омерзительный, чем в прошлый раз, и без приветствий и предисловий заявил:

– Имперцы в доме здешнего купца. Купца зовут Гривуш. Будут там до завтрашнего утра. Моряка возьми себе, светлорожденного отдашь мне.

– О таком мы не договаривались! – воскликнул Брат-Хранитель. – Они оба – преступники! И подлежат...

– Ты тоже преступник, – холодно сказал маг. – Разве ты донес о нашей прошлой беседе?

Проклятый колдун! Дорманож прикусил губу. Он был в бешенстве, но взял тоном ниже:

– Ты говорил о какой-то вещи? Зачем тебе человек?

– Я передумал, – заявил чародей. – Делай что сказано. В накладе не останешься. Я приду. И исчез.

«Надо идти к Круну, – без всякого удовольствия подумал Дорманож. – Пусть покажет, где дом этого предателя Гривуша».

* * *

После ужина Гривуш и Данил остались за столом: поговорить о делах. А Руджа Ниминоа увела наверх, в маленькую оранжерею. Здесь, под сенью двух зонтичных пальм у крохотного фонтана, Рудж сорвал с губ дочери Гривуша первый поцелуй.

Волосы девушки лежали на руке кормчего, такие густые, что он ощущал их тяжесть. Рудж был очарован. От голоса девушки у него сладко вздрагивало сердце. От запаха ее нежной теплой кожи прерывалось дыхание. Рудж пил этот запах крохотными глотками, и каждый глоток отзывался чуть слышным звоном. Словно серебряные браслеты на тонких лодыжках Ниминоа. Как она слушала! Впитывала каждое слово, будто Рудж пророк или скадд⁸.

И от этого слова, которые кормчий множество раз нашептывал девушкам в десятках городов Мира, звучали словно впервые.

– Я исчез, растаял в чашах твоих глаз.
Я исчез, я только память твоих рук.
Я – узор, который вышила игла
Лунным светом на просоленном ветру.

Я росой впитался в кожу твоих ног.
Я запутался в шелках твоих волос.
Я испил от губ твоих, и я не смог
Оторваться – и твой сон меня унес.

Я исчез, истаял, выплеснулся весь
Без остатка, канул в мир твоих теней.
Но мы знаем, мы-то знаем, что я здесь
В миг, когда ты вспоминаешь обо мне.

Я всего лишь пенный след в твоих волнах.
Шорох трав на берегах твоей земли.
Я исчез в тебе, и наши имена
Даже боги не сумеют разделить...

Зеленые веера листьев вздрагивали от случайных прикосновений. Хрустальная вода струилась по мраморному желобу. Крохотные медовницы раскачивались на цветочных чашках...

А снаружи, за толстой каменной стеной – темная улочка, дождь, сточная канава, безликие фигуры в наброшенных на головы капюшонах. Снаружи – Хурида.

– Я купил ее мать на рынке в Мукре, – рассказывал Гривуш. – Но не на общих торгах, а по-тихому. Захватили ее пираты, которым совсем не хотелось передавать волшебный цветок Святому Братству. А оставить себе боялись: доносчиков везде хватает, да и дурманом эти парни интересовались куда больше, чем женщинами.

Слуга поставил перед собеседниками кувшинчик с горячим, сваренным с пряностями кофе и вазу с печеньем. Гривуш собственноручно наполнил чашку гостя. Затем продолжил:

⁸ Скадд – актер, владеющий магическим даром, переносящий слушателя в воображаемый им мир.

– Пираты меня знали и знали, что могу дать подходящую цену. Надеюсь, ты не осудишь меня, мой благородный гость? Я знаю: в Империи нет рабов.

– Ты сделал ее своей женой,– отозвался Данил.– Что в этом дурного?

– Женой? – Гривуш засмеялся.– Чтобы взять ее в жены, мне понадобилось бы разрешение Отца-Наставника. А Отец-Наставник пожелал бы узнать, хороша ли она в постели. Может, невеста более подходит для развлечения святых братьев, чем для рождения купеческих детей?

Гривуш обмакнул печенье в горячий сладкий кофе, откусил аккуратно, чтобы не испачкать бороду.

– Ты видел Ниминоа, благородный Данил. Она очень похожа на свою мать. Если бы Отец-Наставник увидел ее, я больше не увидел бы ее никогда. Часто я жалею о том, что Величайший позволил моей дочери унаследовать красоту матери.

– Жаль страну, где отец сожалеет о красоте дочери,– пробормотал светлорожденный.

Гривуш пожал плечами. Хурида есть Хурида.

– У меня к тебе предложение, благородный Данил,– сказал он.– Через восемь дней я отправляюсь в Конг. По особому поручению Кариомерского Братства. Если удостоишь меня чести оставаться моим гостем еще восемь дней, я буду счастлив предложить тебе сопровождать моему каравану.

– Какая изысканная речь! – Данил улыбнулся.– При том, что ты рискуешь головой.

– Я – купец,– Гривуш усмехнулся.– Не заботься о моей выгоде – я ее не упущу. Ты один стоишь дюжины воинов. А я хочу взять с собой Ниминоа.

* * *

– В доме купца Гривуша?

Лицо у Отца-Наставника – словно он увидел пса в постели любимой наложницы.

– Ты уверен, Брат-Хранитель?

– Да! – отрезал Дорманож.

Недобрым взглядом он озирает покои Отца-Наставника. Таких шпалер у Дорманожа и в прежние времена не было. Настоящая гурамская работа. Уж не предателем ли Гривушем подарены?

– Гривуш – человек верный,– недовольно проворчал присутствовавший здесь же брат Треос.– Твой доносчик солгал.

– Ты ручаешься за него? – Брат-Хранитель Риганского монастыря устремил испытующий взгляд на Треоса.

И тот не выдержал, отвел глаза, буркнул:

– Хочешь проверять – проверяй.

Гривуш – жирная овца. Но стричь его – куда выгодней, чем зарезать. Если Треос поручится за купца – риганцу клыки в него не запустить. Однако если вдруг выяснится: Дорманож прав,– висеть тогда Треосу вниз головой.

– Хочешь проверять – проверяй.

– Людей дашь? – спросил Дорманож.

Треос молчал. Дом у Гривуша крепкий. Пусть высокомерный риганец попотеет. А то и стрелу в глаз схлопочет.

Но Крун уже прикинул что к чему, соображал он быстро – и распорядился:

– Треос! Доставишь сюда всех, кого найдешь в доме Гривуша. И самого купчишку тоже, живого или мертвого. Понял меня?

– Понял.

Ясное дело. Живой Гривуш Круну ни к чему. Еще сболтнет лишнее.

– Ты удовлетворен, брат? – Крун повернулся к Дорманожу.

– Я и мои люди готовы помочь,– сказал риганец.

– Ни к чему, брат,– елейным голосом отозвался Крун.– Неужели ты думаешь, что мне требуется помощь в моем городе?

Дорманож без труда читал мысли Отца-Наставника. Дом отберут, а купца прикончат. Но риганца это не волновало.

– Шпионы нужны мне живыми,– жестко произнес он.– И если у них пропадет хоть пряжка, хоть пуговица...

– Мы понимаем, брат,– кивнул Крун.– Треос, не теряй времени.

VI

Отряд из восьми монахов и двадцати солдат быстрым шагом спускался вниз по узкой безымянной улочке. Четверо несли лестницу. Двое – факелы. Справа и слева – глухие стены, сверху – выступы крыш и непроницаемо-черная полоска неба. Рыжее пламя факелов шипело, сглатывая капли дождя. Сапоги солдат скользили по мокрым камням мостовой.

– Стой! – скомандовал брат Тидом, начальник отряда.

Солдаты остановились. Кто-то споткнулся, выругался.

– Пасть не открывать, – прошипел Тидом.

– Этот? – тихо спросил один из монахов.

Начальник оглядел уходящую вверх голую стену. Потом – стену напротив, тоже без единого окошка.

– Сейчас узнаем, – буркнул он. – Ставьте лестницу. Губарь, тряпки раздай.

Обмотав обувь шерстяными отрезами, полезли наверх. Сначала Тидом, за ним, заткнув за пояса полы плащей, – монахи, последними – солдаты.

Взобравшись, Тидом пересек крышу, глянул вниз, увидел тусклый масляный фонарь над входом, удовлетворенно хмыкнул.

– Начнем, пожалуй, во славу Величайшего, – присев на корточки, он принялся выстукивать колотушкой толстый просмоленный картон, которым предписано в Хуриде крыть дома простому сословию.

– Вроде тут, – определил он. – Давай сигнал, брат Кочип.

Один из монахов зажег от факела клочок пакли, вспыхнувшей ярко-зеленым огнем, и подбросил вверх. Описав дугу, горящая пакля упала, и ее поспешно затоптали.

– Считай, – приказал Тидом одному из солдат, а сам подошел к краю крыши – наблюдать за улицей.

При счете двадцать шесть к входу скрытно приблизились шестеро солдат и два монаха. Подошли и заняли места у дверей, слева и справа, заблокировав единственный выход. А при счете девяносто три с обоих концов улицы, одновременно, выкатились, гремя железными ободами, тяжелые повозки.

– Начали! – гаркнул Тидом.

И шестеро солдат, ждавших с кайлами в руках, разом врубились в крышу. Минуты не прошло, как в картоне образовалась дыра. Края быстро подравняли топорами.

Тем временем внизу с грохотом столкнулись повозки, одна опрокинулась, истошно заорали возницы.

В дыру опустили светильник, обнаружили еще одно перекрытие, черепичное, разрешенное только монастырям и приближенным Наисвятейшего. Разобрали черепицу, сбросили вниз веревочную лестницу, спустили «первопроходца». Плеск, сдавленная ругань.

– Убью! – свирепо прошипел начальник.

– Здесь вода, – громким шепотом оправдался «первопроходец».

Лестница угодила прямо в маленький бассейн.

На улице тем временем орали возницы, что-то лязгало и трещало. Шум презиравный.

– Все вниз, – скомандовал Тидом.

Выбрались из бассейной в коридор. На полу – ковер. Очень кстати. Дошли до конца, обнаружили лестницу.

– Чужаков не убивать, – шепотом напомнил Тидом. – Рубить, но не до смерти, ясно? Брат Куртик, возьми десять солдат и вниз. Кочип – тебе шестеро и левая сторона. Я беру правую. Без нужды не шуметь. Ты, сними со стены светильник. Начали.

Первые две комнаты оказались пустыми. Третья – заперта. Из-за двери четвертой доносились звуки музыки. Тидом поднял два пальца, и пара монахов встала у четвертой двери. Тем временем второй отряд обнаружил вход в оранжерею, обследовал ее, никого не встретил, проверил еще две комнаты – с тем же результатом.

Собрались вместе у двери, за которой звучала музыка. По знаку Тидома два монаха изготовили арбалеты, а третий плечом аккуратно выдавил дверь, благо задвижка оказалась хлипкой.

В комнате, на ложе, скрестив ноги сидел человек с ситрой в руках. Увидев направленные на него арбалеты, человек перестал играть, застыл с открытым ртом. Чужестранец.

– Крикнешь – умрешь, – пообещал Тидом. – Понял?

Человек еле заметно кивнул.

– Связать его, – распорядился монах. – Брат Охак, останешься с ним.

Последняя дверь. Эта выдержала нажим, но поддалась топору, просунутому в щель между ней и косяком. Свет фонаря упал на лицо лежащей в постели девушки. Та открыла глаза, зрачки ее расширились.

– Ни звука! – прошипел Тидом, прижав к ее шее холодное лезвие меча.

В этот момент по лестнице, снизу вверх, застучали сапоги и в комнату ввалился брат Куртик.

– Все чисто, – в полный голос заявил он. – Взяли всех, тепленькими, хвала Величайшему!

– Воистину так! – радостно отозвался Тидом и вложил меч в ножны.

Мясистое лицо его порозовело от удовольствия. Взгляд его снова упал на девушку. Какое-то время он разглядывал ее, потом ухмыльнулся и, подозвав к себе Куртика, пошептал тому на ухо. Монах кивнул и вышел.

– В доме есть подвал? – наклонясь к девушке и обдав ее запахом чеснока, спросил Тидом.

– Да, – чуть слышно ответила Ниминоа.

– Так. Брат Мутто и брат Карсим остаются со мной. А ты, брат Кастапед, возьми остальных и проверишь подвал. А затем, еще раз, первый этаж. Ясно?

Брат Кастапед кивнул. Бросив взгляд на девушку, вздохнул огорченно. Такой цветочек. Ну ладно, когда ее привезут в Братство, он возьмет свое.

Когда лишние ушли, брат Тидом взялся за край одеяла, но Ниминоа вцепилась в одеяло с такой силой, что пальцы ее побелели.

– Нехорошо, – укоризненно произнес брат Тидом. – Ты оскорбляешь слуг Величайшего. Тебя накажут. После. Брат Карсим, поддержи ее руки.

Брат Карсим сжал запястья девушки. Ниминоа вскрикнула от боли. Пальцы ее разжались. Тидом сбросил одеяло и вынул из ножен даг⁹.

Лицо Ниминоа стало серым от ужаса. Но монах всего лишь поддел лезвием вырез ночной рубашки и распорол желтый шелк до самого низа. Затем внимательно оглядел тело девушки – от маленьких грудей до плотно сжатых колен – одобрительно хмыкнул:

– Конгайская кровь!

И провел пальцем по гладкому лобку.

Ниминоа вскрикнула, и брат Карсим, перехватив запястья девушки одной рукой, другой зажал ей рот.

Тидом просунул руку между бедер Ниминоа. Девушка вывернулась, замычала, попыталась ногами оттолкнуть монаха.

– Какая невоспитанность, – недовольно сказал Тидом. – Помоги мне, брат Мутто.

⁹ Даг – кинжал для левой руки.

Брат Муто, грузный, широкоплечий, еще более высокий, чем его начальник, ловко поймал лодыжки Ниминоа, развел их и прижал к постели. Теперь Тидом мог без помех закончить исследования.

– Девственна! – с удовольствием сообщил он и погладил девушку по животу. – Девственна, а следовательно, требует особого отношения. Чему учит нас святой Дихгим?

– Поторопись, брат Тидом, – нетерпеливо сказал Муто.

– Вот этого как раз и не следует! – назидательно изрек Тидом.

Брат Карсим усмехнулся.

– А следует как раз напротив, – продолжал Тидом. – В первую очередь святой Дихгим рекомендует путем возбуждения чувствительных мест добиться выделения животных соков!

И легонько ущипнул девушку за сосок.

Ниминоа глядела на монаха круглыми от ужаса глазами.

– Ежели сего достигнуть не удастся или за недостатком времени, а также при значительных размерах органа, – Тидом самодовольно похлопал себя по соответствующему месту, – следует использовать смягчающие масла.

Он окинул взглядом ряд хрустальных флаконов у зеркала, открыл несколько наугад, понюхал, выбрал один и поставил на край ложа.

Карсим и Муто переглянулись. Святой Дихгим описал все виды подходящих удовольствий, но в данном случае не худо бы Тидому вспомнить, что удовольствие желает получить не он один, а приказ Брата-Хранителя Треоса – закончить дело не позже третьей ночной стражи.

А Тидом между тем продолжал невозмутимо:

– Обращаться с девственницей следует бережно, дабы не вызвать ненужного страха и не погубить в ней естественные женские начала. Бережно! – Он поднял палец и строго посмотрел на Карсима.

– Не следует также и чрезмерно затягивать приготовления! – не выдержав, процитировал брат Муто.

– Не следует, – согласился его начальник и расстегнул пояс.

Ниминоа впала в состояние полузабытья. Тела почти не чувствовала. Ни тела, ни того, как монах умащал ее лоно драгоценным гурамским маслом.

Тидом разоблачился и встал коленями на край ложа. Муто отпустил лодыжки девушки.

– С благословения... – начал Тидом.

В это время снизу донеслись крики и треск ломаемой мебели. Монахи прислушались было, однако шум стих.

Тидом вздохнул.

– С благословения Наисвятейшего, – сказал он, – приступим!

Шестнадцатый хирад Мангхэл-сёрк – один из труднейших. И требует предельного сосредоточения. Мир в буквальном смысле перестает существовать для Погруженного. Поэтому просторный подвал, предоставленный светлорожденному Гривушем для упражнений, – идеальное место для занятий. Закрываешь люк – и отсекаешь все лишнее. Каждый хирад требует времени. Столько, сколько потребуется. Начал светлорожденный за три часа до заката, закончил далеко за полночь.

Ощущая приятную пустоту внутри, Данил отложил меч, с удовольствием погрузил лицо в холодную воду и застыл на пару минут, задержав дыхание. Как хорошо!

Насладившись, светлорожденный выпрямился, опрокинул на голову чан с водой, вытерся жестким полотенцем, натянул подаренные Гривушем шелковые гурамские шаровары, застегнул на запястье черный браслет. Держа в одной руке сапоги, в другой – меч, он поднялся по лесенке, откинул люк, оказался в темном чулане под лестницей, толчком распахнул дверь...

И острие копья уперлось ему в переносицу.

– Брось меч,– напряженным голосом потребовал солдат.

Данил размазал бы его по полу в четверть мига, но слева и справа от копейщика, грамотно, так, чтобы не мешать друг другу, стояли арбалетчики. Рискнуть? Или не стоит? В тесном чуланчике не попрыгаешь. А Данил не может себе позволить даже легкое ранение. Тысяча демонов!

– Как скажешь,– с максимальным добродушием ответил светлорожденный. Медленно, очень медленно наклонился, положил меч на пол, поставил сапоги и продемонстрировал пустые руки.

Когда Рудж увидел направленные на него арбалеты, он испугался. От неожиданности. Потому что забыл, где он и что там, за стенами. Потому что были у него ситра и шелковая рубашка, а не кольчуга и меч. Вооруженный, Рудж мог сражаться как воин. Безоружный... Он ведь не владел Мангхэл-сёрк, как Данил.

– Крикнешь – умрешь! – посулил грузный монах. От него несло чесноком и псиной.

– Связать его!

Двое схватили Руджа, вывернули руки за спину, скрутили ремнем и бросили на ковер.

– Брат Охак, останешься с ним! – распорядился грузный монах и вышел из комнаты.

Все, кроме названного Охаком, последовали за ним. Брат Охак положил арбалет на стул, копье прислонил к стене, а сам уселся на кровать.

Рудж глядел на него снизу вверх и видел в основном забрызганные грязью сапоги и выкрашенное коричневой краской древко копья.

– Можно мне встать? – спросил он.

– Лежать,– буркнул монах.

Прошла пара минут. Рудж лежал. Монах шумно сморкался.

– Эй,– сказал кормчий.– Я пить хочу.

– Перебьешься.

– Жалко тебе? Там вино тайское в кувшине, можешь и сам глотнуть.

– Тебя не спрошу! – проворчал монах.

Но встал, нашел кувшин. Рудж услышал, как забулькало вино, перетекая в монахову глотку.

– И верно тайское,– подтвердил монах, заметно повеселев.– Слышь, имперец, а деньги у тебя есть?

– Развяжи, поделюсь! – У Руджа появилась надежда.

– Еще чего!

Монах подошел к кормчему, толкнул его сапогом, оставив на шелке рубашки грязное пятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.